

1/2018

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2018

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

Hlavný redaktor: prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)

Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. Jevgenij V. Jevpak, CSc. (Kemerovo, RF)
prof. PhDr. Natália Korina, CSc. (Viedeň, Rakúsko)
doc. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
PhDr. Marián Macho, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
doc. PhDr. Mária Hricková, PhD. (Nitra, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716

Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 7, 2018, 1
Toto číslo vyšlo v júni 2018.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 4 *Tat'jana Nikutenko*: Изменение вектора оценки в семантике слова: из наблюдений над историческим развитием оценочной лексики русского языка
The Evaluation Shift in a Word: from the Observations of the Historical Development of the Russian Evaluative Lexis
- 15 *Zuzana Kováčová*: Rekonštrukcia syntaktickej štruktúry vety ako predpoklad porozumenia textu
Reconstruction of Syntactic Structure of a Sentence as a Presumption of Text Understanding
- 30 *Ján Gallo*: Text a diskurz vo vzájomných súvislostiach
Text and Discourse in Mutual Relations
- 40 *Олена Кумеда*: Актуальні проблеми викладання дисциплін історико-лінгвістичного циклу в українській вищій школі
Current Issues in Teaching Historical and Linguistic Courses in Ukrainian Higher Educational Establishments
- 48 *Вікторія Герман*: Іван Франко і соборна українська літературна мова
Ivan Franko and Unified Ukrainian Literary Language
- 56 *Patrik Varga*: Goethova Pohádka v autobiografii Margarity Sabašnikovové – Vološinové Zelený had
Goethe's Fairy Tale in Margarita Sabashnikova – Voloshina's autobiography The Green Snake

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 63 Sokolová, J.: Texty – zobrazenia – komunikáty (*Zuzana Kováčová*)

- 73 AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

ИЗМЕНЕНИЕ ВЕКТОРА ОЦЕНКИ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА: ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИСТОРИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Татьяна Никитенко

Кафедра мировых языков
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь

THE EVALUATION SHIFT IN A WORD: FROM THE OBSERVATIONS OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EVALUATIVE LEXIS

Abstract: The study considers pejorative lexemes of modern standard Russian in a retrospective way. The focus is placed on semantic changes due to which neutrally- or positively-evaluative words have undergone the process of pejoration. The data for the study was collected from the monolingual academic dictionaries of Modern Russian of the second half of the 20th century. The pejorative lexemes are represented by all notional parts of speech and by different topical domains. It has been observed the evaluative lexis of modern standard Russian is a result of the Russian language development within both the pre-national and national periods. Although, it is claimed the sudden rise of semantic changes resulting in word deterioration occurs in the 18th – 19th centuries, which can be explained by the development of national standard Russian at that time. Besides, the driving force for appearing new pejorative meanings happened to be the formation of the functional style system of the Russian language in the 18th century.

Key words: evaluation shift, pejoration, negatively-evaluated lexeme, semantic changes, Russian standard language

Данное исследование представляет собой диахронический ретроспективный анализ, реализованный на материале оценочной лексики современного русского языка. Известно, что подсистема оценочных лексических средств представляет собой результат развития русского языка в донациональный и национальный периоды. Одним из главных источников формирования и пополнения этой подсистемы на протяжении обоих периодов являются семантические изменения, включая процессы, связанные с ухудшением / улучшением значений слов.

1. Сколько оценочных единиц в современном русском языке?

Однозначного ответа на данный вопрос, как представляется, не существует, даже если попытаться ограничить проблему следующим

образом: сколько подобных лексем приводят соответствующие словари для русского литературно-книжного языка? Единственное, что можно отметить сразу – негативно-оценочных слов будет значительно больше, поскольку «оценочная шкала не любит положения равновесия, в самом ее устройстве заключена асимметрия: норма и среднее не совпадают, норма сдвинута к положительной части шкалы» (Вольф, 1986, с. 99). Человеческое восприятие прежде всего склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы.

Как известно, одним из способов лексикографического описания оценочного компонента слов являются словарные пометы: *неодобрительное* (неодобр.), *презрительное* (презр.), *пренебрежительное* (пренебр.), *бранно* (бран.), *уничижительное* (уничиж.), *грубое* (груб.) и др. Именно единицы, снабжённые оценочными пометами, были извлечены путём сплошной выборки из двух толковых словарей – «*Словаря русского языка*» под ред. А. П. Евгеньевой (далее – МАС), отражающего русский язык 60 – 70 гг. XX в., и «*Новейшего большого толкового словаря русского языка*» под ред. С. А. Кузнецова (далее – БТС), отражающего язык последних десятилетий XX в.

Общее число отобранных таким образом слов составило 1006, однако при этом не учитывались отадъективные наречия и не принималось во внимание несколько десятков обценных лексем, приводимых в БТС с пометой *вульгарное* (вульг.), что свидетельствует о нахождении этих единиц вне сферы литературного языка (БТС, с. 16).

Если учесть, что МАС содержит 84111 слов, а БТС – 130000 (при этом большая часть словника этих лексикографических источников пересекается), получается, что рассматриваемая лексика занимает около 1 % словарного состава русского языка.

2. Пути появления оценочной лексики в языке. Семантические изменения

Пополнение лексического состава национального языка может происходить путём образования новых единиц за счёт словообразовательных средств, заимствований, процессов, связанных с образованием устойчивых сочетаний. Преобразование семантической структуры слова, в результате которого у лексической единицы появляются новые значения, связывают с семантическими изменениями. Стоит упомянуть такие источники пополнения лексики, как формальные преобразования и появление слов в результате звукоподражания, однако следует принять во внимание их малопродуктивный характер. Оценочная лексика не имеет

особых путей пополнения своей подсистемы: для неё характерны те же способы, что и для национального языка, частью которого она является.

Отобранная по пометам в толковых словарях русского языка оценочная лексика была проанализирована на предмет ее происхождения. В результате выяснилось, что почти половина всех единиц (49,8 %) появилась в результате семантических изменений.

Выделяются языковые и внеязыковые причины лексико-семантических изменений в литературном языке. Языковые условия изменения значений обусловлены 1) парадигматикой (влиянием других тематически связанных слов) и 2) синтагматикой (сочетаемостью) лексической единицы. К внеязыковым причинам относятся: 1) изменения в явлениях внеязыковой действительности; 2) изменение состава носителей литературного языка; 3) изменения в составе и функциях самого литературного языка. К частным причинам относятся табу (Шмелев, 1964, с. 55 – 57).

Г. Пауль является одним из первых исследователей, предложивших классификацию типов семантических изменений. Он выделил 1) специализацию значения, или сужение; 2) расширение значения; 3) перенос названий; 4) изменения как результат длительного употребления гиперболы, литоты, грубых выражений, эвфемизмов, иронии (Пауль, 1960, с. 110 – 124). Л. Блумфилд в своей книге “*Language*” прокомментировал на примерах индоевропейских языков и значительно расширил понимание типов семантических изменений (Bloomfield, 1984, p. 425 – 444). Что касается семантических процессов, связанных с изменением оценочного знака у слова, то, согласно автору одного из немногих монографических исследований, посвященных проблеме развития пейоративности, Х. Шрёдеру, не существует особых типов семантических изменений, в результате которых «ухудшается» значение лексической единицы. Рассматривая слово, которое подверглось процессу пейорации, необходимо прежде всего ответить на вопрос: «Почему значение у слова изменилось?» (Schreuder, 1970, с. 57). По словам исследователя, помимо общих причин (см. выше) следует особо подчеркнуть роль эвфемизмов, иронии, гиперболизации и перехода слова из одного функционального стиля в другой (Schreuder, 1970, с. 57 – 60). Вся негативно-оценочная лексика, возникшая в результате семантических преобразований, условно подразделяется на три группы: 1) социально-культурная (socio-cultural); 2) этико-эстетическая (ethic-aesthetic); 3) собственно лингвистическая (linguistic). В первую группу входят слова, на изменение семантики которых влияют социальные и культурные процессы в обществе. Вторая включает те слова, изменения семантики которых вызваны изменениями в этических и эстетических оценках того, что они номинируют.

Семантические изменения в третьей группе связаны с изменениями формы самого слова (Schreuder, 1970, с. 64).

3. Изменение вектора оценки в сторону ухудшения значения как один из главных типов семантических изменений в формировании оценочной лексики русского языка

Семантические изменения, очевидно, это один из древнейших способов образования оценочных лексем. Так, еще в Синайской псалтыри (XI в.) обнаруживаем глагол *шьпътати* (*Старославянский словарь*, 1994, с. 791) сразу в двух значениях – прямом ‘шептать’ и переносном ‘нашептывать, клеветать, оговаривать’, сравнимом с современным *шептаться* (неодобр.) ‘заниматься сплетнями, пересудами; передавать друг другу слухи, тайные разговоры’ (БТС, с. 1496).

На протяжении истории русского языка фиксируются многочисленные случаи, когда у первоначально нейтрально-оценочной лексики меняется вектор оценки в отрицательную сторону. Например, морфемный дериват *писака*, впервые зафиксированный в XVIII в. в просторечии, первоначально имел положительно-оценочные значения: ‘знающий, искусный скоро и хорошо писать’ и ‘искусный и способный сочинять что, а особливо приказныя дела’ (САР², IV, стлб. 1077). Но уже в конце XVIII в. у И. А. Крылова встречается *писака* в негативном контексте. Ср.: «<...> не называй имени продажного **писаки**, а оставь для него на несколько букв порожнего места; <...>» (И. А. Крылов: *Ночи*, 1792). Современные словари квалифицируют данное слово как однозначный пейоратив: 1. (презрит.). ‘Писатель, буруеваемый жаждой славы, плохой, но плодовитый’. 2. (ирон.). ‘О том, кто пишет неумело, кто умеет писать, но с ошибками, неаккуратно’ (БТС, с. 833). Для сравнения: в XVIII в. древнерусское существительное *писáрня* использовалось в абсолютно нейтральном значении – ‘канцелярия, кантора’.

В некоторых случаях может иметь место кардинальное изменение семантики слова – от положительно- до негативно-оценочного под влиянием исторической переоценки ценностей. Например, считается, что слово *твердокаменный* было придумано Г. Р. Державиным (СЦСРЯ, IV, с. 273), причём контекст свидетельствует о его изначально переносном значении, ср. *О Росс, о род великодушный! О твердокаменная грудь!* Вектор оценки этого слова менялся с течением времени от одобрительного ‘стойкий, упорный’ с примером *твердокаменные бойцы Красной Армии* в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, IV, стлб. 661) через появление отрицательного оттенка ‘такой, которого нельзя ничем тронуть,

разжалобить; твердый, непоколебимый' (МАС, IV, с. 343) до однозначно отрицательного, на что указывает соответствующая помета (неодобр.) 'такой, которого нельзя ничем тронуть, разжалобить; стойкий, непоколебимый' и соответствующий пример **твердокаменный коммунист** (БТС, с. 1308).

Подобное изменение направленности оценки наблюдаем и в случае существительного *деляга*. В. И. Даль признает за ним однозначно положительную оценку: 'деловой или дельный человек, работающий, ремесленный, рукодельница' (Даль, I), что подтверждается примерами из литературы. Ср.: *Эскрокевич был дялга на все руки, и особенно отличался на поприще фокусов* (В. В. Крестовский: *Петербургские труппы. Книга о сытых и голодных*, ч. 6, 1867). Но уже в 20-е годы XX в. появляются тексты, в которых рассматриваемая лексема употребляется с негативной оценкой – тот, кто раньше считался человеком дела, сейчас выступал буржуем и врагом новой власти. Ср.: – *Во, дялги. – Буржуи, стало быть? – Они, старик, они самы* (Артем Веселый: *Россия, кровью умытая*, 1920). В Словаре под ред. С. А. Кузнецова слово *деляга* с пометой (разг.-сниж.) определяется так: 'человек, озабоченный в делах только ближайшей выгодой' (БТС, с. 249).

Как было отмечено выше, первоначально нейтрально- и положительно-оценочные слова значительно легко подвергаются процессам пейорации при переходе в другой стилистический регистр. В русском языке второй половины XVIII в. за счет разговорных единиц активно пополняется подсистема оценочной лексики.

Известно, что среди слов в XVIII в., генетически связанных с разговорной речью, выделяют простые, простонародные и просторечные слова. Лексические единицы, которые классифицировались в XVIII в. как «простые», были лишены резкой стилистической сниженности и противопоставлялись своим книжным синонимам. Например, такие лексемы, как *баба* 'женщина', *девка* 'о развратной женщине' стали функционировать в своих современных оценочных значениях именно как простые единицы.

Простонародные слова употреблялись в речи низших социальных слоев (крестьян, посадских, мещан и т.п.). Они не являлись диалектно ограниченными, но были близки к областным словам по признаку их чуждости речи образованных людей. Именно в простонародном функционировании у лексемы *бельмо* с первоначальным значением 'лазоревое бѣльмо (глаукома)' фиксируется современное оскорбительное 'глаза'.

В оппозиции «простое – простонародное – просторечное» просторечные слова были наделены экспрессией сниженности, грубости или

фамильярности; особенно часто употреблялись в простых сниженных литературных жанрах (комедии, комической опере и т.п.). В XVIII в. в просторечии начали функционировать многие современные оценочные значения. Например, слово *морда* помимо значения 'передняя часть головы животного' приобрело в просторечии грубое значение 'лицо человека'. У глаголов *лизать* фиксируется производное значение 'целовать', *долбнуть / долбануть* – 'сильно ударить, толкнуть' и т.д.

Известно, что, начиная со времени Петра I, наблюдается массовый въезд иностранцев в Россию. Так, согласно данным Е. В. Алексеевой, только за 1697 – 1699 гг. было нанято около 900 специалистов, в основном это были шведы, датчане, голландцы. При Елизавете Петровне начался массовый приток французов. В годы правления Екатерины II в Россию переехало до 300 тыс. немцев (Алексеева, 2007, с. 42 – 49). Все это способствовало появлению в русском языке номинаций, чаще всего заимствованных, референтами которых являлись приехавшие иностранцы.

В XIX в. зафиксированы случаи, когда менялось значение некоторых наименований лиц, обозначающих социальный статус приехавшего в Россию иностранца, результатом которого стало ухудшение семантики первоначально положительно- или нейтрально-оценочных слов. Например, форма *мамзель* 'то же, что мадемуазель; девица, барышня (обычно о француженке)', отмеченная в XVIII в. (< фр. *mademoiselle*), квалифицировалась как «простое слово», т.е. лишённое сниженной экспрессии (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 56 – 57). В XIX в. данная номинация на некоторое время явилась названием профессии – гувернантки (Грановская, 205, с. 45). Современное значение лексемы с оттенком пренебрежения 'женщина, принадлежащая к театральной богеме или женщина лёгкого поведения' фиксируется в первой половине XIX в. Ср.: <...> *все оттого, что не служба на уме, а в сюртучке по Адмиралтейскому бульвару шляться за мамзелями, – не раз видал...* (А. И. Герцен: *Кто виноват?*, 1841 – 1846).

Подобное ухудшение значения претерпевает заимствование XVIII в. – лексема *бюргер*. *Бюргер* (< нем. *Bürger* 'горожанин') не имело оценочных смыслов и определялось как 'горожанин, мещанин (преимущ. об иностранцах)' (СлРЯ XVIII в., вып. 2, с. 188). В XIX в., если речь шла об иностранцах, слово встречалось без оценочного оттенка, пр.: *Жаль мне, когда я подумаю, как доставалось от наших молодых повес бедным немецким бюргерам и ремесленникам* <...> (Ф. В. Булгарин: *Воспоминания*, 1846 – 1849). В современном негативно-оценочном значении 'обыватель, мещанин' слово встречается с середины XIX в. в текстах социально-политической направленности, ср.: <...> *из юнака или паликара*

сделаться, и не подозревая ничего, самоуверенным демагогом-**бюргером** (К. Н. Леонтьев: *Византизм и славянство*, 1875). Прилагательное *бюргерский* также начинает функционировать в пейоративном значении в текстах XIX в.: <...> *раболепство перед пошлым бюргерским и плоским стилем современной западной жизни* (К. Н. Леонтьев: *Храм и Церковь*, 1878). Синонимичная (с точки зрения современного употребления) лексема *обыватель*, впервые отмеченная в XVII в. в нейтрально-оценочном значении 'местный житель, обитатель' (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 12, с. 210), во второй половине XIX в. также начинает функционировать в неодобрительном значении 'человек, лишённый общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими личными интересами', ср.: – *Сколько я понимаю – дело идет о так называемом **обывателе?** – с усмешкой сказал доктор, – И, кажется, вы желаете, чтоб я пошёл к нему, пил с ним водку, играл в карты и между всем этим очищал его душу от вековой копоты предрассудков и так далее?* (М. Горький: *Мужик*, 1899). Таким образом, в XIX в. в семантике лексических единиц *бюргер* и *обыватель* фиксируются неодобрительные оценочные семы, и со второй половины XIX в. они употребляются синонимично.

Как отмечает Л. М. Грановская, в конце XIX в. в литературе оппозиционного направления эмоционально-окрашенными, переосмысленными становятся многие нейтральные книжные слова (Грановская, 2005, с. 43). История некоторых слов убедительно свидетельствует об изменении оценочной семантики в сторону ее ухудшения у близких синонимов или тематически связанных слов прежде оценочно-нейтрального и книжного характера. Примером могут выступить лексемы *недоносок* и *выкидыш*. Согласно письменным источникам, слово *недоносок* впервые отмечено в XVII в. в единственном значении 'недоносок' (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 11, с. 89). Словарь 1847 г. определяет *недоносок* как 'дитя, рожденное прежде времени' (СЦСРЯ, II, с. 435); в Словаре В. И. Даля также фиксируется 'недоношенный плод, зародыш; выкидыш, или ранее должного рожденный' (Даль, II, с. 513). Однако в первой половине XIX в. в критике В. Г. Белинского слово встречается в презрительном значении, ср.: *Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то **недоноском**. И потом: что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразёр, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий всё святое, о котором говорит (В. Г. Белинский: *Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова*, 1839). Недоносок в оскорбительном значении относился не только к человеку, но мог обозначать и неодушевленные предметы, пр.: *Еще вся книга не более как **недоносок**; но дух ее разнёсся**

уже от нее незримо <...> (Н. В. Гоголь: *Выбранные места из переписки с друзьями*, 1843 – 1847).

Лексемы *выкидыш* и *недоносок* в исходных значениях в XVIII в. являлись синонимами – ‘преждевременно родившийся ребенок’ (СлРЯ XVIII в., вып. 14, с. 91), а в XIX в. у обоих зафиксированы производные синонимичные значения, которые, как показывают примеры, также совместно употреблялись: *зачем <...> она [природа] производит столько безобразных, чудовищных порождений, не выдерживающих жизненной борьбы и бесследно погибающих? зачем все эти выкидыши и недоноски природы?* (В. С. Соловьев: *Чтения о Богочеловечестве*, 1878).

Следует отметить, что у лексемы *недоносок* также изменилась и стилистическая окраска. Лексикографически впервые данное значение с пометой *разг.* фиксируется Словарем под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, II, стлб. 499). Контексты первой половины XIX в. свидетельствуют, что *недоносок* в оценочном значении являлось грубым ругательством, ср.: *Теперь даже Филька, рябой драчун, будет относиться к нему как к равному и перестанет дразнить его не совсем понятной, но позорной кличкой – «недоносок»* (Г. М. Марков: *Строговы*, кн. 1, 1936 – 1948). МАС указанное оценочное значение вовсе не отмечает, возможно, относя его за границы литературного употребления (МАС, II, с. 437). В Словаре под ред. С. А. Кузнецова данная единица отмечена с пометой *груб.*, что свидетельствует о ее стилистически сниженной, уничижительной окраске, и определяется как ‘о неразвитом, умственно отсталом человеке’ (БТС, с. 619).

В современных словарях лексема *дилетант* определяется однозначно отрицательно: 1. ‘Тот, кто занимается чем-л., не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель’. 2. (неодобр.). ‘О ком-л., плохо разбирающемся в чем-л.’ (БТС, с. 259). Однако история слова и первые контексты с ее использованием убеждают в том, что первоначальное значение являлось абсолютно положительным. Так, заимствование *дилетант* было впервые отмечено в русском языке в XIX в. [< нем. *Dilettant* < итал. *dilettante* < *delectare* ‘развлекать, веселить’]. Словарь 1847 г. фиксирует только одно положительно-оценочное значение этого слова – ‘занимающаяся пением или игрой на каком-либо инструменте по любви к музыке, а не по обязанности (муз.)’ (СДСРЯ, I, 323). Например, у И. С. Тургенева *дилетант* все еще имеет положительную окраску: *Тут был граф Х., наш несравненный дилетант, глубокая музыкальная натура, который так божественно «сказывает» романсы, а в сущности, двух нот разобрать не может, <...>* (И. С. Тургенев: *Дым*, 1867). Однако со второй половины XIX в. в письменных текстах начинает фиксироваться современное негативно-оценочное значение. В. В. Виноградов по этому

поводу писал так: «Изменения в экспрессивной окраске слов отражают общественную переоценку тех или иных явлений и понятий. Например, слова *любитель* и *дилетант* до 20–30-х гг. XIX в. при господстве дворянско-аристократической речевой культуры были окружены светлым, положительным эмоциональным ореолом... Затем с углублением профессионализации и демократизации литературная речь сближается с специальными и научными языками. Слово *профессионал* делается антонимом слов *любитель*, *дилетант*. <...> В середине же XIX в. – в связи с этой переоценкой понятий – укрепляются новые образования с презрительным оттенком» (Виноградов, 1994, с. 773).

Переломных моментов в развитии семантики лексемы может быть несколько. Примером может послужить слово *великовозрастный*. Первая его фиксация в книжном языке наблюдается в «Житии Федора Судита» (XIII в.), где оно содержит абсолютно положительную оценку. Ср. *житие великовъзрастно* 'необыкновенная, достойная удивления жизнь'. Словарь XI – XVII вв. отмечает подобное употребление этого слова и в XVI в. (СлРЯ XI – XVII вв., II, с. 63). В XVIII в. прилагательное *великовозрастный* имело единственное нейтрально-оценочное значение 'высокий, высокого роста' (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 17). В литературе же Нового времени это слово появляется вместе с «*Очерками бурсы*» Н. Г. Помяловского, приобретая значение 'ученик, вышедший из определённого школьного возраста'. Ср.: *Проучившись в четырех классах училища по два года, такие делались великовозрастными; эту причину отмечали в титулке ученика (в аттестате) и отправляли за ворота (исключали)* (Н. Г. Помяловский: *Очерки бурсы*, 1862). В этом значении рассматриваемая лексема фиксируется в САР² и далее в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, I, стлб. 243), МАС (МАС, I, с. 147) без оценочной пометы, скорее как историзм (ср. лишь в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова пометы *книжн. устар.; теперь с оттенком насмешки*). Во всех рассмотренных контекстах с 1960-х по 1970-е гг. употребление прилагательного *великовозрастный* связано со школьной тематикой. Ср.: *В деревне часто встречаются великовозрастные ученики, — говорит Шулейкин в учительской* (Б. Окуджава. *Новенький как с иголочки*, 1962). Неодобрительную оценку в семантике этого слова отмечает лишь Словарь под ред. С. А. Кузнецова (БТС, с. 116–117), определяя его значение следующим образом: 'вышедший из детского или юношеского возраста, взрослый по виду, но несерьёзный, наивный, как ребенок (обычно о юношах, девушках)', не привязывая его к периоду обучения в школе. Примеры из художественной литературы и СМИ свидетельствуют о том, что произошло смещение референтной группы, по отношению

к которой применима данная номинация. Ср.: (1) *Я бросил трубку. Этот редактор — великовозрастный младенец! И зачем я связался в историю?* (Е. Велтистов: *Ноктюрн пустоты*. Телерепортаж Джона Бари, спецкора, 1978 – 1979); (2) *Например, о президенте банка он знал только то, что знали все: что звали его Жак, что ему за шестьдесят, в молодости он был морским офицером, у него великовозрастный сын, светский кутила, и две замужние дочери <...>* (В. Михальский: *Весна в Карфагене*, 2001). Очевидно, что изменение семантики рассматриваемой лексемы можно связать с внешними факторами: 70-е гг. XX в. – это период начала акселерации, быстрого физического взросления при умственной и нравственной несамостоятельности. Именно для оценки подобного юношеского инфантилизма из закровов лексикона извлекается слово *великовозрастный*, частотность употребления которого значительно возрастает с конца 70-х – начала 80-х гг.

Заключение

Семантические изменения являются одним из основных источников формирования негативно-оценочной лексики в современном русском языке. Максимальное количество оценочных единиц, появившихся в результате семантических изменений, отмечается в период формирования литературного национального образца с параллельным становлением функционально-стилистической системы русского языка (конец XVIII – XIX вв.). Помимо многочисленных случаев переносов (чаще метафорических) русская оценочная лексика активно пополняется за счёт слов, прошедших через процесс пейорации, в результате которого первоначально нейтрально- или положительно-оценочное слово «ухудшает» свое значение. Чаще всего это связано с внеязыковой действительностью: подвергаются переосмыслению и переоценке референты тех номинаций, в семантике которых фиксируется сдвиг вектора с положительного (нейтрального) на отрицательный. Также следует особо выделить роль стилистического фактора в вопросе изменения оценочного знака: стилистически-маркированные слова легче приобретают экспрессивные и оценочные значения.

ЛИТЕРАТУРА

- BLOOMFIELD, L.: *Language*. Reprint; with a new Foreword by C. F. Hockett. London: The University of Chicago Press, 1984. 564 p. ISBN 0-226-06067-5.
- SCHREUDER, H.: *Pejorative Sense Development in English*. Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. 196 p. ISBN 10-0843401168.

- АЛЕКСЕЕВА, Е. В.: Диффузия европейских инноваций в России XVIII – начало XX в. Москва: РОССПЭН, 2007. 366 с. ISBN 5-8243-0811-X.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Толк, 1994. 1136 с. ISBN 58-9285-026-9.
- ВОЛЬФ, Е. М.: Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо». In: Вопросы языкознания, 1986, 5, с. 98 – 106. ISSN 0373-658X.
- ГРАНОВСКАЯ, Л. М.: Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки. Москва: Издательство Элпис, 2005. 448 с. ISBN 5-902872-06-5.
- ПАУЛЬ, Г.: Принципы истории языка. Перевод с немецкого под редакцией А. А. Холодовича; вступительная статья С. Д. Кацнельсона. Москва: Иностранная литература, 1960. 500 с. Без ISBN.
- ШМЕЛЁВ, Д. Н.: Очерки по семасиологии русского языка. Москва: Просвещение, 1964. 244 с. ISBN 5-354-00181-1.

СЛОВАРИ

- ДАЛЬ, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык – Медиа, 2003. 4 т. (Репринтное воспроизведение 2-го издания 1880 – 1882 гг.). ISBN 978-5-91503-149-3.
- БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка. Авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
- САР² – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку. Санкт-Петербург, 1806 – 1822. 6 ч. Без ISBN.
- Словарь русского языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. 3-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1985 – 1988. 4 т. ISBN 5-200-02673-3 (т. 1); ISBN 5-200-02674-1 (т. 2); ISBN 5-200-02675-X (т. 3); ISBN 5-200-02676-8 (т. 4).
- СлРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. Москва: Наука, 1975 – 2015. 30 вып. ISBN 978-5-4469-0663-5.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, Ленингр. отд-ние (Санкт-Петербург. отд-ние), 1984 – 2015. 21 вып. ISBN 978-5-02-038446-0.
- Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва: Русский язык, 1994. 842 с. ISBN 5-200-01113-2.
- СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императ. Акад. наук. Санкт-Петербург: Типография Императ. Акад. наук, 1847. 4 т. Без ISBN.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / редкол.: Д. Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. Москва: «Советская энциклопедия»: ОГИЗ, 1935 – 1940. 4 т. ISBN 978-5-903036-99-8.

REKONŠTRUKCIA SYNTAKTICKEJ ŠTRUKTÚRY VETY AKO PREDPOKLAD POROZUMENIA TEXTU¹

Zuzana Kováčová

Katedra slovenského jazyka a literatúry
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

RECONSTRUCTION OF SYNTACTIC STRUCTURE OF A SENTENCE AS A PRESUMPTION OF TEXT UNDERSTANDING

Abstract

The knowledge of a man is of associative-figurative nature, and as such it fills the world with different senses. The child experiences relevant situations that act as co-stimulators through the texts, he undergoes the well-known meanings to a cognitive process, and the new meanings associates with those which had already known. We attribute the ability to create meanings to discourse and, in our case, to texts for children as well. Meaning is born as a speech image reflecting not specific referents, but general situation denotates in the language consciousness. Reception of text is (analogically to natural speech) based on the phonetic-phonematic turn. Text understanding means chaining images initiated by the meaning of the text. The intent of text reception is to mediate meaning. The extent of linking phrases and motives to a meaning entirety is crucial for understanding the text. The text also fulfills the same functions as attributed to the language. The ability of a person to understand the text is crucial from the point of view of his mental progression. In the study, we applied the theory of E. M. Fernández and H. Smith Cairns on the structural processor of syntactic structures.

Key words: discourse, text, understanding, perception, sentence, compound sentence

Úvod

Porozumenie textu znamená v istom aspekte analógiu s rozumením či porozumením živej reči. Každý rečový prejav je zasadený do kontextu, ktorý aktívne participuje na elementárnom porozumení významu a zmyslu. Rozdiel je v spôsobe recepcie a v ceste, ktorou informácia preniká do kognitívnych štruktúr človeka. Zatiaľ čo v prípade autentického rozhovoru domína sluchový vnem, ale spolupracuje celkové vizuálne spracovanie situácie,

---

¹ Štúdia súvisí s riešením projektu *Prax v centre odborovej didaktiky, odborová didaktika v Centre praktickej prípravy*. Táto práca bola podporovaná Agentúrou na podporu výskumu a vývoja na základe Zmluvy č. APVV-15-0368.

v prípade čítania textu je dominantný zrakový vnem ako primárny vstup k foneticko-fonematickému uvedomovaniu. V konečnom dôsledku je však rozhodujúca predstava čítaného, ktorá je komplexná a pozostáva z niekoľkých segmentov. Predstava čítaného znamená premietnutie prečítaných sekvencií do podoby zvukovej realizácie, do podoby, akoby vyslovovanej v situácii zodpovedajúcej kontextu vyobrazenému v texte. V tomto zmysle budú mať jednu z rozhodujúcich pozícií syntaktické jednotky – syntagmy ako najmenšie významové spojenia vo vete a veta či súvetie ako celok. V predstave čítajúceho subjektu musí vzniknúť implicitná rečová realizácia čítaného s dôrazom na melódiu vety.

Vzájomný vzťah medzi vetou a textom je daný identifikovaním súvislosti medzi vetou a motívom. Veta – najmenšia jednotka, ktorá je nositeľom uceleného významu – pomáha budovať motív, resp. sama je čiastkovým motívom vo výstavbe témy. Primárne patrí do syntaktickej roviny jazyka, ale svojím presahom do motivickej štruktúry zasahuje do stylistickej roviny textu, keďže súhrn motívov tvorí tému. Veta osciluje medzi samotným gramatickým systémom jazyka a rečovým či textovým spracovaním myšlienky. Na úrovni realizácie jazykového systému v živej reči, resp. na posúdení vzťahu medzi langom a parolom je práve veta kľúčová pre ich interferenciu a z aspektu čítajúceho subjektu pre vnímanie vnútrotextových inferencií a implicitne vznikajúcich hypotetických anticipácií. Veta ako významovo organizovaný celok je nositeľkou najmenšej jednotky témy, a to motívu. (Téma pozostáva z motívov.) Tým patrí tak do plánu témy, v dôsledku čoho ju treba chápať v intenciách textu, ako aj do plánu jazyka, kde patrí svojou morfolo-gicko-syntaktickou organizovanosťou. Veta ako syntaktická štruktúra pozostávajúca z hierarchizovaných významových spojení patrí do plánu jazyka. To znamená, že je jednotkou, v ktorej sa stretáva rečová a langová povaha prirodzeného jazyka.

Diskurzívne chápanie textu

V súčasnom diskurzívnom chápaní dialógu i textu sa pojmy jazykový/rečový prejav a text používajú ako synonymné. Každý súvislý komunikát má charakter textu, t. j. podobu organizovanej štruktúry. Zázemie pre túto synonymiu je možné nájsť v diele F. Mika (1989, s. 36), konkrétne v jeho optike analogického konkurovania si pojmov langue a parol: „Naša synonymná prax pri používaní pojmov text, reč, komunikácia sa opiera o skutočnosť, ktorá je každodenne evidentná. Vlastnou, bezprostrednou realitou toho, čo voláme jazykovým stykom ľudí či komunikáciou, je realita reči, jej konkrétnej podoby,

textu, pritom textu ako aktuálne fungujúceho fenoménu textu „in vivo“, živo prebiehajúceho v čase“.

Porozumenie čítanému textu má niekoľko determinantov. Na prvom mieste sa tradične uvádza ovládanie jazyka v zmysle poznania jazykového kódu. Ak čítanie budeme chápať ako komunikačnú kompetenciu, tak jej implicitnou súčasťou je poznanie a zvládnutie gramatického systému. Na porozumení čítanému textu sa však podieľajú aj faktory nejazykové, a to schopnosť jednotlivca obsiahnuť vo svojich mentálnych štruktúrach komunikovaný obsah. Toto tvrdenie sa opiera o teóriu mentálnych modelov, ktoré majú charakter tzv. fuzzy kategórií a ako také sú implicitnou súčasťou presupozície, t. j. súhrnu informácií, ktoré sa vyvodzujú z obsahu vety, resp. z obsahu jej komponentov. Súčasťou presupozície ako determinantu porozumenia textu je aj poznanie celého kultúrneho kontextu v širokom zmysle slova. Ide alebo o implicitnú príslušnosť ku kultúre, alebo aspoň o aktívne poznanie kultúry, tradícií, zvykov a zvyklostí, vrátane komunikačných, nezanedbateľným determinantom porozumenia čítanému textu je udržanie pozornosti prečítaného a priebežné vytváranie anticipácií smerom k nasledujúcim textovým sekvenciám, a to tak bezprostredným, ako aj vzdialenejším.

Foneticko-fonologické uvedomovanie a fonematický obrat ako fyziologicko-mentálna operácia

Podmienkou recepcie textu je schopnosť foneticko-fonematického uvedomovania, ktoré má niekoľko stupňov. Začína u jednotlivca v čase, kedy je jeho psychika dostatočne zrelá na narábanie so symbolmi, dieťa je schopné vnímať slovo ako symbol a akceptovať všetky jeho funkcie (dorozumievaciu, poznávaciu, zástupnú či funkciu ekonomizácie myslenia, apelatívnu atď.). Nadobúdanie gramotnosti znamená zautomatizovanie mentálnej operácie foneticko-fonologického obratu a fonematického uvedomovania najskôr na úrovni hlások a postupne na úrovni slova ako jedinečnej sémantickej štruktúry. Dostatočná miera automatizácie tohto procesu až po úroveň vety vedie subjekt k plynulému striedaniu a reťazeniu obrazov, ktoré zodpovedajú prečítanému obsahu, a to ako významom textu iniciovaných predstáv. Len vtedy prečítaný text začína dávať zmysel prečítanej sekvencii slov (významov). To znamená, že treba rozlišovať medzi významom textu a zmyslom textu. Zatiaľ čo význam textu je objektivizovaná vlastnosť textu, vznikajúca zakódovaním autorových myšlienok a komunikačných cieľov do textu, zmysel textu je tá časť významu textu, resp. ten aspekt prečítaného textu, ktorý percipient rekonštruje vo svojom vedomí. (Je tu analógia s významom a zmyslom frazémy, kde sa tento nie absolútne ekvivalentný vzťah

medzi významom a zmyslom podčiarkuje prenesenosťou frazémy a obraznosťou frazémy).

Lingvistické porozumenie verzus rozpoznávanie slov ako determinanty porozumenia textu

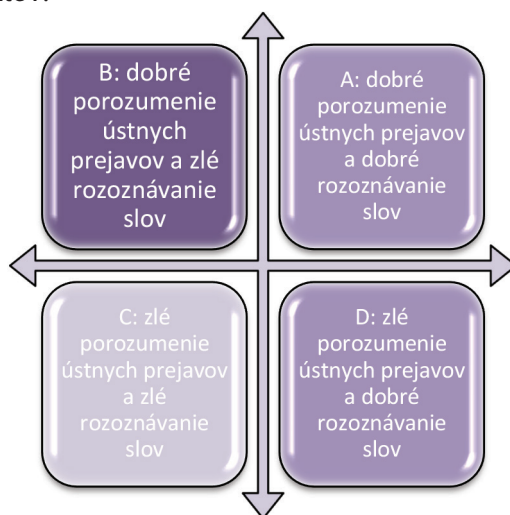
Proces čítania, resp. proces porozumenia čítanému textu má širší kultúrny rozmer. Je to jednoznačný výdobytok kultúry. Analogicky každá kultúra reflektuje spojenie textu a jeho percipientov v kontexte ich veku či mentálnej zrelosti vždy trochu inak. Španielsky básnik Francisco de Quevedo povedal, že schopnosť čítať umožňuje konverzovať s mŕtvymi a počúvať očami mŕtvych. V tomto výroku je obsiahnutá idea uchovávanía obsahov minulosti, ale aj myšlienka o tom, že vždy, keď čítame výpoveď iného človeka (autora), pozeráme na svet jeho očami, t. j. viac či menej akceptujeme jeho videnie a interpretovanie sveta. Súčasne je vo výroku koncentrovaná jednota videnia a počutia. V metafore *počúvať očami* je obsiahnutý na jednej strane moment primárnej zrakovej recepcie a na druhej strane je tu prítomná imaginácia textom vypovedaného ako analógie výpovede.

Text je nielen nástrojom prenosu informácií a operatívnych účinkov, ale je aj médiom, vďaka ktorému vo virtuálnom a simulovanom svete môžeme žiť životy iných, precítiť ich emócie a zdieľať ich vzostupy a pády či prijímať ich odhodlanie čeliť najrôznejším životným skúškam. Vnímať toto všetko ako jeden komplex si vyžaduje istý stupeň úrovne čítania, ktorá sa buduje už od útleho detstva. Jedným z vedcov, ktorý sa usiloval odhaliť podstatu čítania, bol Edmund Huey z Pittzburgu (in Defior, 2015, s. 17). Analýzu procesu čítania chápal ako opis a interpretáciu jednej z najzložitejších operácií ľudskej mysle. Identifikácia procesu čítania znamená: a) chápanie biologickej a kognitívnej zložky (tohto procesu); b) identifikáciu mentálnej zrelosti percipienta.

Oproti bádaniu v uplynulom storočí je tu zrejmý vedecký pokrok, ktorý spočíva v tom, že zatiaľ čo v uplynulých storočiach sa kládol dôraz na základné segmenty slova – fonémy, od začiatku 21. storočia sa pozornosť koncentruje na suprasegmentálne fonologické recepčné schopnosti, a to na schopnosť vnímať prízvuk, melódiu, intonáciu, pauzu a rytmus a súčasne rozumieť ich významu/zmyslu v konkrétnom texte, resp. v konkrétnych vetných a súvetných celkoch.

V 80. rokoch F. Vellutino (in Defior, 2015, s. 19) predstavil dve koncepcie, v intenciách ktorých sa výskum čítania (čitateľskej gramotnosti) pohybuje dodnes. V rámci tzv. jednoduchého modelu čítania identifikoval 2 hlavné komponenty. Prvým je rozpoznávanie napísaných slov, čo je považované

za špecifický kognitívny proces a druhým je porozumenie reči ako nešpecifický proces, ktorý zahŕňa morfo-syntax, sémantiku a integráciu predchádzajúcich poznatkov a ďalších faktov a faktorov, ktoré zdieľa sukcesívne s porozumením spontánnej reči. Zohľadnenie a následný prienik obidvoch zložiek umožní abstrahovať atribúty tak, aby vznikli štyri základné kategórie čítajúcich subjektov:

Obrázok č. 1: Typy percipientov textu podľa miery porozumenia ústnych prejavov a podľa miery rozpoznávania slov na osi dobré – zlé. Zdroj: S. Defior: *Cómo mejorar la lectura*. In: *Mente y cerebro*, 2015, s. 20.

Mriežková matrica ukazuje také usporiadanie konceptov, pri ktorom sa nezdôrazňuje celok, nechápe a neberie sa do úvahy makroštruktúra porozumenia textu, ale ide o analytický pohľad, keď sa zohľadňujú jednotlivé súčasti porozumenia ako relatívne autonómne procesy. Zdola nahor rastie lingvistické porozumenie (tu je identifikované porozumenie ústnym prejavom – ide o jazykovo-rečovú kompetenciu subjektu, ktorá sa manifestuje pochopením/nepochopením prenášanej informácie) a zľava doprava stúpa schopnosť rozpoznávania slov. Ide o schopnosť vnímať slovo ako symbol: v popredí je jeho znaková podstata a subjekt by na základe prečítaného mal získavať predstavu vo svojom mentálnom priestore. Kritériám skupiny B zodpovedajú jedinci s dyslexiou a skupine D jedinci, ktorí majú problém s porozumením aj s pochopením. Na začiatku schopnosti čítať stojí porozumenie kódu, t. j. porozumenie alfabetickému systému. Ide o porozumenie reči sústave symbolov, ktorou písmo ako znakový systém je, t. j. ide o chápanie zástupnej – symbolickej funkcie grafémy. Graféma nie je pre čítajúci subjekt

len znak určený na vizuálnu percepciu, ale je to znak, ktorý zastupuje význam zvuku, a to konkrétnej hlásky – fonému. Z aspektu dieťaťa nadobúdajúceho zručnosť čítať ide o porozumenie a intuitívne akceptovanie pravidla, vyjadrujúceho zákonitý vzťah medzi grafémou a fonémou. Spomenutá zákonitosť, manifestujúca sa ako dekodovanie významu grafémy, je kľúčová pre následnú automatizáciu vzťahu medzi vizuálnym vnímaním a fonologickým uvedomovaním.

V súčasnom kontexte skúmania procesu porozumenia textu sa objavuje kritika segmentálnej fonológie, ktorej sa vyčíta preferovanie a nadhodnocovanie poznatkov o sublexikálnych jednotkách slov. Takýto postup viedol k nezohľadneniu či bagatelizovaniu a podceneniu suprasegmentálnej stránky slov, ako aj celého prozodického systému reči, resp. v texte sprítomneného obrazu reči.

V procese porozumenia textu sa ako vážny deficit objavuje absencia inferencií v mysli percipienta. Absencia inferencií bráni subjektu simultánne vnímať vnútorné súvislosti ukryté v štruktúre textu, čo v konečnom dôsledku neumožní, resp. deštruuje interakciu medzi textom a čitateľom. Inými slovami: v mysli čítajúceho subjektu sa neobjavujú či nekreujú obrazy relevantné s percipovaným obsahom. Bez minimálnej miery vnímania ikoncity textu nie je možné plnohodnotne akceptovať ani elementárny textom sprostredkovaný obsah.

Tento deficit v percepcii textu je lingvistickej povahy. Anticipovanie elementárnej miery obrazu, kreovaného v mysli percipienta na základe prečítaného, je dané etablovaním a zautomatizovaním operácií, ktoré sa podieľajú na tzv. jazykovej kompetencii čítajúceho subjektu. Porozumenie textu v elementárnom chápaní jeho obsahu je lingvistickej povahy. Lingvistická podstata porozumenia textu zahŕňa: a) sémantiku slova, b) implicitne obsiahnutý gramatický aspekt v podobe spojitosti morfológie a syntaxe a c) zahŕňa aj prozodickú stránku vety a súvetia. Neschopnosť vytvárať inferencie v mentálnom priestore čítajúceho subjektu súvisí v značnej miere s absenciou relevantných poznatkov, resp. s tzv. mentálnymi modelmi percipienta, čo sa navonok vo všeobecných štandardoch či v kultúrou etablovaných zvyklostiach manifestuje ako text „vhodný/nevhodný pre istú vekovú kategóriu“. Stupeň neporozumenia textu siahajúci až k vyššie spomenutej lingvistickej podstate porozumenia/neporozumenia čítanému znemožňuje metakognitívnu kontrolu porozumenia, resp. hľadanie či aplikovanie vhodnej čitateľskej stratégie.

Z vyššie uvedených skutočností vyplýva, že ide o dva dominantné okruhy problémov, ktoré anticipujú dva druhy prístupov, a to na jednej strane

stratégie na zlepšenie čítania slov a na druhej strane stratégie na zlepšenie lingvistických faktorov.

Text a asociačno-sémantická sieť vo vedomí človeka

V ľudskom vedomí sa v priebehu života na základe priamej rečovej interakcie a ďalšej textovej skúsenosti utvára asociačno-sémantická sieť. V jej prepojeniach dôležitú funkciu zohráva sémantická hodnota slov, ale paralelne s nimi je tvorená aj výrazovými hodnotami textu obsiahnutými implicitne v každom textovom útvaru. Svojou podstatou predstavujú jednotu jazyka a témy a rastú (ich kvalita i objem) podobne, ako rastie naša reč. Vplyvom témy ako generátora sa asociačno-sémantická sieť, resp. relevantné prepojenia v konkrétnej komunikačnej situácii, aktivujú a umožňujú percipientovi ako tvorivému subjektu z rekonštrukcie recipovaného kreovať individuálny obraz na základe prijatého obsahu. Novo kreovaný obraz je limitovaný kritickými a pre význam relevantnými údajmi zo zdrojovej domény, ktorou je čítaný text. Z hľadiska chápania významu je psychický aspekt osobitne dôležitý, ako uvádza N. F. Alefirenko, pretože odkrýva cestu k chápaniu zviazanosti materiálneho a ideálneho (Alefirenko – Korina, 2011, s. 55).

Početné analýzy textov určených pre rôzne vekové kategórie v zmysle nazerania na proces percepcie ako vývinovej kategórie² ukázali, že v texte sú vždy implicitne obsiahnuté komunikačno-pragmatické indikátory. Autorská dvojica N. F. Alefirenko – J. Gallo vo svojej štúdii aj v intenciách porozumenia textu doslova uvádza: „Umelecko-obraznou interiorizáciou ponímame lingvokognitívnu zmenu z hľadiska formy vonkajších procesov nominácie na procesy rečového myslenia uskutočňujúce sa v jazykovom vedomí“ (Alefirenko – Gallo, 2014, s. 11).

Pre text, ktorého neodmysliteľnou funkciou je kognitívna funkcia, je charakteristické, že medzi textovými jednotkami sú vzťahy rektifikačné, korigujúce, špecifikujúce, konkretizujúce, zdôvodňujúce (a pod.), ako uvádza J. Vaňko. Textová lingvistika pozná pojem *korektného stvárnenia textového útvaru*. Myslí pod tým taký spôsob nadväzovania viet, ktorý umožňuje prijímateľovi identifikovať sémantické vzťahy vo vnútri textu, pričom sa pozornosť venuje signalizácii koherencie (Vaňko, 2015, s. 121). K tomu treba pridať mieru kompetencie subjektu v komplexnom manifestovaní sa a aplikovaní jeho mentálnych modelov. Inými slovami, textová syntax vie explicitne preukázať absentovanie signálov koherencie ako hlavného indikátora neporozumenia

---

² Tak, ako rastie naša reč, tak rastie aj schopnosť percepcie, resp. napredovanie v percepčných zručnostiach predznamenáva aj napredovanie v produkčných aktivitách.

textu. Miera porozumenia textu subjektom sa meria schopnosťou improvizácie. Tá nastupuje ľahko a rýchlo vtedy, ak je text stvárnený korektne, a to vrátane zohľadnenia stavu a funkčnosti aktuálneho mentálneho modelu subjektu, resp. ontologicko-mentálnych dispozícií subjektu. Opodstatnenosť skúmania textu v najširšom význame slova, ale aj opodstatnenosť skúmania procedurálnej stránky porozumenia textu, je zrejmá z tvrdenia J. Sokolovej: „Keďže text stavia na mentálnej štruktúre, ktorá virtuálne zjednocuje konceptuálne a procedurálne znalosti, možno uvažovať o tom, že spĺňa náležitosti *proceptu*. Reflektuje dualitu konceptu a procesu zastúpenú tým istým výrazom. Umožňuje, aby subjekt vo vedomí konceptuálne daný fakt uchopil procesuálne alebo procesuálne daný fakt uchopil konceptuálne“ (Sokolová, 2017, s. 17). Recepčia riekanky dieťaťom znamená v tomto kontexte, že riekanka je jedným z najelementárnejších proceptov kultúrneho textu v ontológii recepčných aktov subjektu vôbec.

Rekonštrukcia štruktúry vety – proces vykonávaný tzv. štruktúrnym procesorom

Dvojica autoriek E. M. Fernardézová a H. Smithová Cairnssová (2014, s. 185) hovorí o rekonštrukcii štruktúry vety ako o procese, ktorý vykonáva tzv. štruktúrny procesor, nazvaný parser. Podľa ich teórie parser vykonáva tieto základné syntaktické operácie: vytvára základné štruktúry, spája jednoduché vety do komplexných sémantických štruktúr, posúva prvky vety z jednej štruktúrnej pozície do inej štruktúrnej pozície: „Parser musí identifikovať základní prvky vety (podmät, predikát, predložková fráza, vzťažná klauza atď.). Tento úkol môže urobiť iba vtedy, ak je schopný rozčleniť zložené vety do viet jednoduchých (klauz). Rovnako musí byť schopný identifikovať prvky, ktoré boli posunuté a pripojiť ich s prázdnyimi pozíciami, ktoré po nich zostali na ich pôvodných štruktúrnych miestach“ (E. M. Fernardézová, H. Smithová Cairnssová, 2014, s. 185 – 186).

Autorky sa domnievajú, že spracovanie vety zahŕňa rozkrývanie abstraktných mentálnych štruktúr, ktoré je založené na zvládnutí prirodzeného jazyka, resp. jeho gramatického systému. Súčasne anticipujú, že abstraktné mentálne štruktúry určujú syntaktické celky v priebehu spracovávania viet a postupujú pri tom systematicky. Experimentálne sa preukázalo, že je ťažšie rekonštruovať neštruktúrované reťazce slov než štruktúrované reťazce slov. Je relevantné predpokladať, že vybavovanie reťazcov slov je jednoduchšie vtedy, keď medzi týmito slovami sú etablované syntaktické vzťahy.

Aby parser mohol rekonštruovať štruktúru vety v mysli subjektu, musí spracovať hierarchické vzťahy medzi slovami, ktoré však prichádzajú

v lineárnej podobe. Na tento proces využíva znalosť gramatiky chápanú ako jednotu syntaxe a morfológie. To mu umožní identifikovať substantíva a slovesá a umiestňovať ich v rekonštruovanej hierarchii tak, aby boli gramatické, t. j. aby sa manifestovali v takej podobe, ako to gramatický systém prirodzeného jazyka štandardne pozná a používa. Do celého procesu rekonštrukcie sa zapája sémantická hodnota slov. V nej sú implicitne obsiahnuté celé štruktúrne rámce/schémy, do ktorých môže slovo vstupovať.

Porozumenie v percepcii je dané, okrem zrejmých inferencií vznikajúcich v recepcii textu a okrem zjavnej blízkosti recedenta k diskurznému ohnisku, syntaktickou organizáciou textu. Kľúčovou je otázka syntaktickej stavby celého riekankového diskurzu.

Podľa E. M. Fernardézovej a H. Smithovej Cairnsovej (tamtiež) parser musí identifikovať základné konštituenty vety (podmet, predikát, vetný základ) a ďalšie základné prvky, a to najmä predložkovú frázu a vzťažnú klauzulu. Túto úlohu môže plniť len vtedy, ak je schopný rozčleniť zložené vety do viet jednoduchých, t. j. do tzv. klauzúl, resp. kláuz. Rovnako musí byť schopný identifikovať prvky, ktoré boli posunuté, aby ich následne prepojil s prázdnyimi pozíciami, ktoré po nich zostali na ich pôvodnom štruktúrnom mieste.

Je prirodzené predpokladať, že porozumenie nemá v rečovo-ontologickom aspekte vždy rovnakú úroveň, že sa postupne vyvíja. Preto je relevantné položiť si otázku, ako textovým útvarom a ich obsahom porozumejú deti v ich ranom rečovom štádiu, resp. v prvých kontaktoch s kultúrnym textom, za aký treba považovať na prvom mieste ľudovú riekanku, ale aj ďalšie krátke textové útvary pre deti, ktoré sa riekankovosťou ako invariantnou vlastnosťou vyznačujú. Otázku vzťahu vety a kognitívnych štruktúr rieši aj L. Janovec v štúdiu *Věta a představová schémata* (2014, s. 47 – 57).

Aby parser mohol rekonštruovať štruktúru vety v mysli dieťaťa, musí spracovať hierarchické vzťahy medzi slovami, ktoré však prichádzajú v lineárnej podobe. Pre túto operáciu využíva znalosť gramatiky (ako jednotu syntaxe a morfológie), čo mu umožní identifikovať substantíva a slovesá a umiestňovať ich v rekonštruovanej hierarchii tak, aby boli gramatické. Do celého procesu rekonštrukcie sa zapája sémantická hodnota slov. V nej sú implicitne obsiahnuté celé štruktúrne rámce/schémy, do ktorých môže slovo vstupovať.

Aplikácia parsera ako procesora na text detskej riekanky

Z hľadiska identifikácie porozumenia jednoduchým textom je kľúčovou otázkou syntaktickej stavby celého riekankového diskurzu. Pojem riekankový text sme nahradili pojmom riekankový diskurz, keďže recepcia riekanky je založená na interakcii dospelého a dieťaťa a práve “predriekanie” textu vnáša

do celého procesu recepcie aj prozodické javy, ktoré sú kľúčové pre porozumenie obsahu. Celé štvorveršie, ktoré v prípade ľudovej či zľudovenej riekanky štandardne (v minimálnom rozsahu) tvorí riekanku, je jeden syntaktický celok. Ide o zložené súvetie, ktoré pozostáva z rovnocenných, t. j. priradených syntaktických štruktúr.

Riekanku s názvom *Nanič kamarát* tvoria štyri navzájom rovnocenné vety:

*Lienka malá ráno vstala,
košielku si v rose prala,
prišiel vietor z Donová,
košielku jej roztrhal.*

Textový celok ako syntaktickú štruktúru musí dieťa v mysli najskôr rozčleniť na jednotlivé vetné štruktúry. Túto operáciu vykonáva vyššie spomenutý parser, t. j. štruktúrny procesor. Podmienkou celej operácie je schopnosť štruktúrneho procesora rozdeliť zložené vety do jednoduchých viet, tzv. kláuz³. Začiatok a koniec klauzy je v písanom texte naznačený interpunkciou, v hovorenej reči môžu byť syntaktické konštituenty vety identifikované prostredníctvom prozodických javov. Klauza sa skladá z prísudku a jeho argumentov – doplnenia. V súvetí, ktoré zjednodušene označujeme S (vo význame sentencia) môže byť jedna nezávislá klauza a jedna, ale aj niekoľko závislých kláuz. Z hľadiska mentálneho či kognitívneho spracovania podľa vyššie spomenutých autoriek klauzy majú vzťah k pamäti: „[...] každá klauza zodpovedá integrovanej reprezentácii štruktúry. Z tohto dôvodu sa klauzy javia byť pravdepodobnými jednotkami spracovania. Klauzy predstavujú jednotky, ktoré je možné v priebehu spracovania uložiť v pracovnej pamäti“ (Fernardézová –Smithová Cairnssová, 2014, s. 188).

Klauza predstavuje uzol S. Celá riekanka v schematickom zápise má túto štruktúru:

S(1) – S(2) – S(3) – S(4).

Celý mechanizmus, ktorý vykonáva parser, môžeme identifikovať v niekoľkých krokoch:

(1) Veta *Lienka malá ráno vstala* sa v mysli dieťaťa manifestuje ako štandardná veta so slovosledom, v ktorom v zmysle konvencií v bežnej reči adjektívum stojí pred nadradeným substantívom; v prípade nášho textu vznikne: *Malá lienka*; súčasne príslovka času ako determinant slovesa stojí pred slovesom, ktoré významovo determinuje, vplyvom parsera ako

---

³ Pojmy *parser* a *klauza* používajú pri vysvetľovaní mechanizmu kognitívneho spracovania viet E. M. Fernardézová a H. Smithová Carinsová (2014, s. 188).

procesora vznikne a v mysli sa uloží klauza > *ráno vstala*. Mysel' v konečnom dôsledku projektuje vetu *Malá lienka vstala ráno*.

(2) V druhom kroku (parsera) sa táto úplná slovesná fráza (VP) rozdelí na mennú frázu (NP) *malá lienka* a slovesnú frázu (VP) *vstala ráno*.

(3) V treťom kroku sa rozpadne menná fráza na jednotlivé komponenty: *Malá lienka* (NP – menná fráza) > *malá* (D – determinant) a *lienka* (N – meno).

(4) V ostatnom kroku nevyhnutnom pre úplné porozumenie významu vety sa rozpadne slovesná fráza *vstala ráno na*: > *vstala* (V – verbum) a > *ráno* (N – meno vo funkcii príslovkového určenia času).

Ďalšie vety štvorveršia anticipujú, že percipient v mysli rekonštruje nevyssloveného, t. j. explicitne lexémou nevyjadreného, ale implicitne obsiahnutého pôvodcu deja a súčasne gramatický subjekt vety. Veta *Prišiel vietor z Donová* je gramaticky úplná, ale veta *Košielku jej roztrhal* nemá vyjadrený podmet, no v mentálnej štruktúre percipienta je dedukovaný zo sémanticko-gramatickej hodnoty slov *vietor* a *prišiel* z predchádzajúcej vety.

Z odokrývania syntaktickej štruktúry parserom je zrejmé, že v mentálnom priestore percipienta sa v mene porozumenia recipované syntaktické celky menia na štandardné spojenia, resp. štandardný slovosled akceptovaný najmä na základe stereotypov prameniach z rečovej skúsenosti v prirodzenom jazyku.

Účinok parseru spoznáme ako porovnanie textu s rekonštruovanou podobou výpovede premietnutej do jazykového vedomia. Z porovnania je zrejmé, že v riekankovom texte došlo k inverzii v slovoslede, keď determinant, v tomto prípade zhodný prívlastok, má postavenie za nadradeným substantívom, s ktorým sa aj formálne zhoduje. Antepozícia adjektíva vo funkcii atribútu ako determinanta skladobného substantíva je v hovorovej reči viac-menej zriedkavá, resp. sa pociťuje ako neprirodzená či príznaková. Ak sa používa, tak najmä s cieľom zdôrazniť významovú hodnotu adjektíva. V básnickom texte je frekventovanosť postponovaného atribútu motivovaná najmä požiadavkou formálnych náležitostí, a to najmä pre zachovanie rýmu a dodržanie rytmu. Pre percipienta to znamená v procese rozkrývania abstraktných mentálnych štruktúr v tomto/našom konkrétnom prípade vymeniť postpozíciu atribútu za antepozíciu atribútu. Podobne je to so spojením (vyskytujúcim sa v texte) *ráno vstala*, čo v bežnej reči povieme v opačnom poradí slov: *vstala ráno*. Prehodený slovosled, resp. poradie slov tak, ako ich vidíme v texte, bolo pravdepodobne ovplyvnené plánovaním (projekciou) nasledujúcej diskurzívnej činnosti.

Na tomto mieste je pre nás relevantným poznanie, že dieťa v ranom detstve vie opísanú výmenu v prípade postavenia determinanta vo vzťahu

k nadradenému substantívu v syntaktickej organizácii vety spontánne funkčne uplatniť, a to v zmysle v jazyku a bežnej komunikácii štandardizovaného slovosledu. Prvé dve vety v príklade zodpovedajú opísanému procesu transpozície na – v jazyku konvenčnú – schému syntaktickej organizácie myšlienky. Druhá veta súvetia neobsahuje subjektové substantívum, resp. obsahuje ho implicitne, a to vyjadrením kategórie rodu a čísla v tvare slovesa vo funkcii predikátu. Z aspektu algoritmu percepcie je možné porozumenie implicitnosti subjektu (dieťaťom) považovať za jednu z univerzálnych gramatických dispozícií dieťaťa vzhľadom na gramatický systém materinského jazyka (v tomto prípade slovenčiny). Dôkazom sú (okrem mnohých iných riekankových textov) nasledujúce dve vety v uvedenej riekanke, ktoré súvisia s novým tematicko-rematickým rámcom vzťahnutým k ústrednej téme – *lienke*. Zámeno *jej* (v poslednej vete) je referentom substantíva *lienka*, pričom je vzdialené od antecedenta, ale zostáva aj vďaka novej réme (*roztrhal*) v diskurzívnom ohnisku. Hranice medzi klauzami sú tu naznačené čiarkami, v hovorenom prejave prozódou a pauzami.

Na príklade textu riekanky je pomerne prirodzené identifikovať rozkrývanie abstraktných mentálnych štruktúr. Robíme tak preto, aby sme ozrejmili tendenciu parsera preferovať takéto a podobné jednoduché abstraktné mentálne štruktúry aj v syntakticky zložitých či rozsiahlejších kompozíciách. Podľa E. M. Fernardézovej a H. Smithovej Cairnsovej (2014, s. 194) sú zjednodušené syntaktické štruktúry preferované z dôvodov minimalizácie uzlov. Vďaka tejto stratégii je syntaktický materiál vždy rozčleňovaný do zjednodušených štruktúr. Parser preferuje tie sekvencie, ktoré sú pre daný jazyk typické, t. j. prejavujú sa v prirodzenom jazyku ako preferencia konkrétnej syntaktickej štruktúry. V angličtine je to kánonická štruktúra podmet, prísudok, predmet – ak si to vyžaduje sémanticko-kategoriálny komplex prísudku. V slovenčine nie je slovosled pevný, ale naopak, voľný. To znamená, že vetné jadro dvojčlennej vety môže byť podmet, prísudok/predmet (vtedy, ak si to vyžaduje sémanticko-kategoriálny komplex prísudku). Okrem toho dvojčlenná veta v slovenčine nemusí obsadiť pozíciu podmetu explicitnou nomináciou, ale podmet môže zostať explicitne nevyjadrený. Vtedy sa subjekt/podmet manifestuje navonok (vo vzťahu k iným konšituentom vety) implicitne, a to kategóriami (rod, číslo) prísudkového slovesa. V syntaktických štruktúrach tvoriacich riekanku sa tieto dominantné a v jazyku implicitne funkčné dispozície vety ako syntaktickej štruktúry nachádzajú. Riekanka je tak akýmsi živým a funkčným parserom či (metaforicky povedané) nástrojom parseru, ktorý upevňuje štandardné sémanticko-syntaktické štruktúry v jazykovom vedomí dieťaťa v ranom detstve. Schopnosť dieťaťa spomenuté

operácie robiť sukcesívne a synchronne s procesom recepcie potvrdzuje prirodzenosť a istú automatickosť celého procesu.

Aj z uvedených syntakticko-sémantických analýz je zrejmé, že pri vytváraní inferencií majú kľúčovú úlohu anafory, resp. anaforické referencie. Anafore nemožno porozumieť bez toho, aby sme poznali prepojenie s ich referentmi. Najčastejšie funkciu anafory plnia zámená, ktorých sémantická hodnota by zostala zastretá, ak by sme v procese recepcie nepoznali ich antecedent. Anaforická referencia musí byť priradená k diskurzívnemu ohnisku. Nastúpi tým rýchlejšie, čím je antecedent bližšie k spomenutému diskurzívnemu ohnisku. Takáto zrozumiteľnosť je zrejماً, ak anafora odkazuje na nedávny antecedent. Ide o tzv. recentnosť – nedávnosť. Vyvodzovanie inferencií a ich ukladanie do dlhodobej pamäte, čo je spojené s vytváraním predstavy, je rozhodujúce pre spracovanie diskurzu. R. Shank o tom hovorí: „I ty najkratší úseky diskurzu vyžadujú, aby si čtenář vyvozoval inferencie a propojoval tak věty do koherentní struktury. [...] vyvozování úsudků je jádrem procesu porozumění“ (Shank, 1976, s. 168 – 169).

Vyššie analyzované príklady – súvetie, v ktorom napr. druhá veta nemá explicitne vyjadrený podmet, ale opiera sa o syntaktickú štruktúru predchádzajúcej vety, je príkladom elementárneho účinkovania anafory. Gramatické kategórie, implicitne obsiahnuté v slovesnom prísudku druhej vety a kopírujúce rod a číslo syntaktického subjektu predchádzajúcej vety, sú gramatickými prostriedkami vnútrotextového anaforického nadväzovania. Anafora (z aspektu stavby textu) predovšetkým vetu zabuduje v texte tak, aby bola ukotvená vo vzťahu k predchádzajúcemu diskurzu. Tým sa anafora v rozhodujúcej miere podieľa na vzniku koherentného textu. Zabezpečuje vytváranie vzťahov v podobe akýchsi implicitných sietí, vďaka ktorým sa prepojí veľké množstvo referentov. Vznikne tak sémanticky zrozumiteľný text, ktorého zmysel sa zjavne rekonštruje v mentálnom priestore percipienta. Princípy, ktoré platia pre konverzačný diskurz, platia aj pre písané diskurzívne spôsoby – módy, a to aj napriek tomu, že nie sú úplne identické.

Záver

Otázka porozumenia textu je viacdimezióneho charakteru a ako taká má niekoľko vektorov, v intenciách ktorých je možné skúmať uvedený proces v celej jeho zložitosti. Do úvah o percepcii textu treba pribrať zreteľ na fond individuálnych a spoločenských informácií, hodnôt, záujmov, ideí, konvencií a akčných dispozícií, ktoré tvoria náležitosti subjektu vysielateľa a adresáta. Z aspektu vzťahu jazyka a myslenia je kľúčový zreteľ tak na jazykovú, ako aj na textovú kompetenciu vysielateľa, príjemcu a celého spoločenstva. V tom

sa potom odráža najvyššia úroveň vecí, úroveň jazykovej i recepcnej vyspelosti a náročnosti komunikácie, jej kultúry.

Naše analýzy ukázali, že v texte sú implicitne obsiahnuté komunikačno-pragmatické indikátory. Dominantnou funkciou textu je kognitívna funkcia. Jej naplnenie je anticipované ďalšími vzťahmi, ktoré účinkujú medzi textovými jednotkami. Môžu smerovať k obsahu a forme predchádzajúcich textových sekvencií, ale vstupujú aj do vzťahu k prezentovaniu obsahu a jeho manifestovaniu v mentálnom priestore percipienta. Ich účinky môžu byť rektifikačné, korigujúce, špecifikujúce, konkretizujúce, zdôvodňujúce a pod. Textová lingvistika (Vaňko, 2015, s. 121) uvádza pojem *korektného stvárnenia textového útvaru*. Myslí sa pod tým taký spôsob nadväzovania viet, ktorý umožňuje prijímateľovi identifikovať sémantické vzťahy vo vnútri textu, pričom sa pozornosť venuje signalizácii koherencie, ale aj komplexnému vnímaniu jeho mentálneho modelu percipienta. Textová syntax vie explicitne preukázať absentovanie signálov koherencie, čo vedie k neporozumeniu textu. Text je z aspektu čítajúceho subjektu, resp. z aspektu porozumenia subjektom stvárnený korektno, ak sa v jeho vnútornej štruktúre anticipuje najmä ontologicko-mentálna dispozícia kognitívnych schopností subjektu.

V ľudskom vedomí sa utvára sieť, ktorá pozostáva nielen zo sémantiky slov, ale tvoria ju najmä výrazové hodnoty textu, obsiahnuté implicitne v každom textovom útvare, ktoré predstavujú svojou podstatou jednotu jazyka a témy a rastú podobne, ako rastie naša reč. Vplyvom generátora – témy – sa spomenutá (asociačno-sémantická) sieť v konkrétnej komunikačnej situácii aktivuje tak, že v mentálnom priestore percipienta vzniká text – prehovor – a to ako individuálna štruktúra významov a motívov, realizovaná pomocou platných gramatických pravidiel jazyka (kódu).

Schopnosť porozumieť významu textu je synergetickej povahy a reflektuje všetky dispozície subjektu. Syntaktickú stránku mentálneho procesu, ktorý sa odohráva v jazykovom vedomí percipienta, opísali E. M. Fernardézová a H. Smithová Cairnsová (2014), ktoré pre identifikáciu transformačných procesov v mentálnych štruktúrach príjemcu zavádzajú tzv. parser, t. j. štruktúrny procesor. Ten má schopnosť rozdeliť zložené vety do jednoduchých viet, tzv. kláuz. Pojmy parser a klauza autorky používajú pri vysvetľovaní mechanizmu kognitívneho spracovania viet. Pod pojmom klauza treba rozumieť takú syntaktickú štruktúru, ktorá je zjednodušeným invariantom v texte sformulovanej vety. Klauza sa od pôvodnej vety líši tým, že jej podoba (transformovaná na v jazyku štandardné syntaktické celky, resp. zjednodušená na subcelky) sa ukladá v pamäťových štruktúrach. Riekanku sme vybrali ako najjednoduchší textový útvar pre najmenšie deti, ktorého kognitívne spracovanie detským čitateľom je prirodzené a bezproblémové. Aj jednoduchý text, akým riekanka

je, však obsahuje vety, ktoré sa premieňajú/musia premieňať na klauzy, aby mohli byť mentálne spracované. Operácie, ktoré parser v takomto prípade vykonáva, je logicky možné považovať za najelementárnejšie, ako aj za najviac zautomatizované či prirodzené, a tým aj za najobligátnejšie v procese porozumenia textu. Obligatórnosť transformácie pôvodnej vetnej štruktúry v texte na istú sumu kláuz je daná algoritmickou povahou celej operácie vykonávanej parserom.

Text je svojou podstatou komunikát kultúrnej povahy. Vieme identifikovať ontológiu žánrov i druhov, no už menej si všímame vývinový proces receptívnych dispozícií dieťaťa vo vzťahu k textu, ktorých analýza môže povedať veľa v súvislosti s konštituovaním porozumenia textovým štruktúram.

LITERATÚRA

- ALEFIRENKO, N. F. – KORINA, N. B.: Problemy kognitivnoj lingvistiki. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2011. 216 s. ISBN 978-80-8094-987-7.
- ALEFIRENKO, N. F. – GALLO, J.: Pragmatika umeleckého diskurzu a rečové žánre. In: OPERA SLAVICA, XXIV, 2014, č. 4, s. 2 – 11.
- DEFIOR, S.: Cómo mejorar la lectura. In: *Mente y cerebro*, 2015, no. 70, p. 16 – 23. ISSN 1695-0887.
- FERNARDÉZOVÁ, E. M. – SMITHOVÁ CAIRNSOVÁ, H.: Základy psycholingvistiky. Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum 2014. 300 s. ISBN 978-80-246-2435-8.
- JANOVEC, L.: Věta a představová schémata. In: *Obraz člověka v jazyku. Zborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference*. Ed. J. Vaňko. Nitra: FF UKF 2014, s. 47 – 57. ISBN 978-80-558-0560-3.
- MIKO, F.: Aspekty literárního textu. Nitra: Ústav jazykovéj a literárníj komunikácie, 1989. 206 s. Bez ISBN.
- SHANK, R. C.: The role of memory in language processing. In: C. Cofer (ed.): *The nature of Human Memory*. San Francisco, CA: Freeman. 1976, s. 162 – 189. Bez ISBN.
- SOKOLOVÁ, J.: Verbalňj text. Očerki o mono-, semi- i polikodovosti. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. 198 s. ISBN 978-3-659-72257-8.
- SOKOLOVÁ, J.: Texty – zobrazenia – komunikáty. Nitra. UKF v Nitre 2017. 330 s. ISBN 978-80-558-1221-2.
- VANĀKO, J. 2015. *Syntax slovenského jazyka*. Nitra: UKF v Nitre 2015. 150 s. ISBN 978-80-558-0865-9.

TEXT A DISKURZ VO VZÁJOMNÝCH SÚVISLOSTIACH

Ján Gallo

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

TEXT AND DISCOURSE IN MUTUAL RELATIONS

Abstract: The paper discusses the issue of the text and discourse in their interrelation. The introduction presents the beginning of text and discourse comparison following the distinct opposition text versus discourse. In the first part there is given the critical assessment and characteristic of discourse accenting its relation with language used in social interaction. In the same part there are also presented four basic aspects common for all discourse interpretation. In the second part there are explained the various authors' attitudes to text and discourse together with specification of the term genre. In the third part some definitions of the term text relating to the proposal of its current and future interpretation is given. The paper concludes with a summary of the problems investigated.

Key words: communication, discourse, discourse analysis/discourse studies, genre, language, speech genre, text linguistics, text

Úvod

Odkedy sa kategória diskurzu stala pevnou súčasťou vedy, čoraz častejšie dochádza k istému porovnávaniu textu a diskurzu ako porovnaniu statickosti (textu) a procesualnosti (diskurzu), a to podľa toho, o ktoré teoretické hľadisko, vedeckú školu alebo osobné záujmy autora ide. V dôsledku identifikácie hľadiska je porovnanie diskurzu a textu viac-menej zreteľné. Niekedy dokonca vyúsťuje do výraznej opozície **text** verzus **diskurz**. Akceptujeme skutočnosť, že nové trendy vedeckých analýz priamo súvisia s uvedomením si toho javu, že text je základnou, ale nie jedinou entitou v zložito organizovanom systéme ľudskej komunikácie. Uznanie tejto skutočnosti spôsobilo presun bádateľských výskumov od problematiky vnútrotextového usporiadania k procesom textotvorby a percepcie textu. Z uvedeného vyplynuli teoretické závery o rozčlenení na *text* ako výsledok komunikačno-kognitívnej činnosti a *diskurz* ako samotný proces. Porovnávanie statickosti a dynamickosti, procesualnosti a účinnosti komunikácie, prejavov ústnych alebo písomných je rozhodujúcim vektorom kognitívne orientovanej lingvistiky. To má za následok prehodnotenie postavenia podstaty textovosti. Osobité ciele a základné teoretické smerovania kognitívnych vied ako celku, ale hlavne kognitívnej

lingvistiky a psycholingvistiky, umožňujú ešte väčšmi rozšíriť rámec prístupov na výskum textu. V článku sa rieši problematika vzájomných súvislostí diskurzu a textu, pričom sa vysvetľujú ich spoločné a špecifické vlastnosti. Popri pojmoch *text* a *diskurz* sa špecifikuje aj súvisiaci pojem *žáner*.

1. Diskurz

Pojem *diskurz* (fr. *discours*, angl. *discourse*) sa v európskej lingvistike objavil začiatkom 70. rokov 20. storočia. Pôvodne sa uvedený pojem používal ako približný ekvivalent k pojmu *funkčný štýl*. Paralelné použitie týchto pojmov možno vysvetliť tým, že v západoeurópskej lingvistickej tradícii, na rozdiel od českej, slovenskej a ruskej, sa teória funkčných štýlov nerozpracúvala. Preto západoeurópski lingvisti začali používať pojem *diskurz* na označenie osobitných typov textov – hovorových, administratívnych, mediálnych atď.

Pojem *diskurz* sa obvykle vzťahuje na použitie jazyka v sociálnej interakcii a v najbežnejšom ponímaní nezahŕňa len text sám o sebe, ale v širšom zmysle bývajú do jeho rámca zaradení aj účastníci spolu s bezprostredným kontextom. J. Dolník (2010, s. 74) *diskurz* poníma ako „spustenie mechanizmu interakčnej seba projekcie, ktorý funguje ako integračný stimul – integračná reakcia. Splnením podmienky minimálneho zohľadnenia mimojazykových prostriedkov, je možné chápať či zúžiť *diskurz* na jazykový seba projekčný akt, resp. *diskurz* sa konštituuje ako interakčná štruktúra jazykových seba projekčných aktov“ (cit. podľa Kováčová, 2017, s. 19). *Diskurz* podľa J. Hoffmannovej (1997, s. 8) „býva definovaný ako integrovaný celek textu a kontextu, ako spojení jazykové realizácie interakcie a jej kontextového presahu a pod.“ Spravidla sa teda *diskurz* spája s konkrétne vymedzenou skupinou používateľov (v špecifických prípadoch aj s jednotlivcom), má vzťah k určitej sociálnej či komunikačnej situácii (alebo spoločenskej inštitúcii) a dochádza v ňom k spracovaniu určitej témy alebo množiny tém obyčajne nejako súvisiacich (bližšie pozri Homoláč, 2006, s. 329). Komunikácia sa v rámci *diskurzu* riadi špecifickými pravidlami, ktoré sa ustávajú práve počas štandardizovaných situácií. Existuje rad navzájom sa prekrývajúcich ponímaní *diskurzu* vychádzajúcich z odlišných teoretických východísk. Vytvorenie jeho jednoznačnej definície je naviac komplikované skutočnosťou, že ide o pojem prepojujúci jazyk, komunikáciu, interakciu, kultúrny, historický a spoločenský kontext a pod. (bližšie pozri van Dijk, 1997, s. 1). *Diskurz* je preto potrebné vnímať ako zložitý komplex presahujúci pomerne obmedzené vnímanie textu ako súboru menších jednotiek (napr. viet ako gramatických štruktúr) a naopak, je potrebné sledovať skôr vyššiu úroveň organizácie a výstavby celých textových, resp. komunikačných štruktúr či komplexov.

Diskurz sa vždy spája s jazykom v jeho aktuálnom používaní, a preto býva vymedzený nielen lingvisticky, ale predovšetkým na základe situačných charakteristík, ako je napr. vzťah medzi podávateľom a adresátom, historickými a kultúrnymi okolnosťami vzniku a interpretácie textu, situačným kontextom a pod. (bližšie pozri Fairclough, 2006, s. 3). Napokon nemožno opomenúť ani spojenie diskurzu s určitým typom sociálnej situácie. Inak povedané, záujem je potrebné sústrediť na to, kto používa jazyk, ako, prečo, kedy a za akých okolností (van Dijk, 1997, s. 2). Pokiaľ sa rozhodneme diskurz charakterizovať s prihliadnutím na jeho funkčné aspekty, priblížime sa k jeho ponímaniu ako forme verbálnej interakcie alebo tzv. komunikačnej udalosti, ktorá sa realizuje ako súčasť udalosti sociálnej (ako napr. stretnutia s priateľmi, telefonický rozhovor, vyučovacia hodina, návšteva na úrade a pod.) Rozšírenie záujmu o vyššie zmieňované aspekty vo svojom dôsledku nutne vedie k presunu záujmu od textov monologických k textom dialogickým.

Širšie (napr. v koncepcii M. Foucaulta) sa diskurz poníma aj ako nástroj na štruktúrovanie sociálnej reality (na myslí máme napr. špecifické použitie jazyka v závislosti od prijatej sociálnej úlohy), resp. na poznanie spoločnosti v jej historickom vývoji. Symboly, ktoré sú v spoločnosti používané na zachytenie vonkajšieho sveta, sú sociálne podmienené a tvoria štruktúru, ktorá sa realizuje práve v diskurze. Diskurz je teda produktom aktuálneho usporiadania spoločnosti a je prejavom spôsobu jej poznania.

T. A. van Dijk (1997, s. 2) upozorňuje na tri základné dimenzie diskurzu. V jeho ponímaní ide o rovinu 1. používania jazyka; 2. komunikáciu ako odozvu a zdieľanie presvedčenia a poznania a 3. interakciu v konkrétnej sociálnej situácii. Pri analýze diskurzu dochádza k prepojeniu všetkých troch rovín, a preto je možné sledovať, ako spôsob použitia jazyka môže ovplyvniť prijímanie oznámenia a naopak, ako okolnosti interakcie ovplyvňujú spôsob jazykového vyjadrenia, resp. ako prijatý názor a postoj môže ovplyvniť podobu verbálnej interakcie. Podobne aj N. Fairclough (2006, s. 4) poukazuje na tri roviny diskurznej analýzy, keď identifikuje: 1. textovú rovinu, v rámci ktorej je pozornosť zameraná predovšetkým na jazykovú výstavbu komunikátu; 2. rovinu interakčnú, zameranú predovšetkým na produkčnú a interpretačnú zložku komunikácie a 3. rovinu sociálnu, kde sa výskum sústreďuje na vzájomný vzťah komunikácie a spoločenských inštitúcií, v rámci ktorých sa diskurz uskutočňuje. V. E. Čerňavskaja vo svojej práci *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* (2016, s. 104) k tomu dodáva, že „[...] если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние – внутритекстовые – отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению

к тексту особенности коммуникативного процесса.” Pri používaní jazyka v určitých situáciách dochádza k vzniku pravidelností a na základe toho môžeme hovoriť o politickom, mediálnom, lekárskom alebo inom diskurze. Pri vytvorení klasifikácie diskurznych typov je možné vychádzať z rôznych kritérií, napr. podľa situácie, do ktorej je zasadený, podľa štylistických a jazykových kritérií, podľa žánru a textového vzorca a pod. Jednotlivé kritériá sa budú krížiť a hranice medzi nimi nebudú ostré. Podľa počtu účastníkov je možné diskurz členiť na monologický a dialogický, podľa situačných hľadísk na súkromný a verejný, podľa dominujúcej funkcie je možné (podobne ako v prípade určenia funkčných štýlov) hovoriť o diskurze umeleckom, odbornom, spravodajskom a pod. Ako klasifikačné hľadisko je možné zvoliť aj relevantný slohový postup. Ako upozorňuje J. Kraus (2003, s. 20), človek je ako komunikujúca spoločenská bytosť počas svojho života vystavovaný opakovanému kontaktu s ustáleným typom situácií a s nimi spojenými typmi diskurzov. Textové štruktúry opakovane používané v konkrétnych situáciách, ovplyvňujú používateľa jazyka pri výbere jazykových prostriedkov. Ale nejde len o výber jazykových prostriedkov. Súčasťou komunikačných zručností je zároveň aj schopnosť prispôbiť situáciu a neverbálne prostriedky ako silu hlasu, tempo reči, intonačný priebeh výpovede a pod. Ak sa chce hovoriaci stať plnoprávnym, plnohodnotným a nediskvalifikovaným členom spoločenstva (sociálnej skupiny, organizácie či inštitúcie), musí zvládnuť jeho diskurz. Ustálená podoba diskurzu nielenže podmieňuje výber a usporiadanie zodpovedajúcich výrazových prostriedkov, ale na druhej strane tiež veľkou mierou ovplyvňuje a predurčuje aj jeho interpretáciu.

Popri takomto chápaní diskurzu, ktorý sa reflektuje najmä ako súbor či štruktúra komunikátov intertextovo prepojených určitým atribútom, upozorňuje T. A. van Dijk (1997, s. 4) na ďalšie možné chápanie tohto pojmu, a to ako konkrétneho prehovoru. V takom prípade sa pojem diskurz vo svojej podstate stáva synonymným s pojmom *text*.

K diskurzu je možné pristupovať aj z pozície ďalších odlišných východísk podľa toho, či je chápaný ako jednotka jazykového systému (presahujúci svojím rozsahom vetu), alebo ako prejav a výsledok aktuálneho jazykového použitia (bližšie pozri napr. Shiffrin, 1994, s. 20). Tieto chápania reflektujú odlišné stanoviská formalistického a funkcionalistického prístupu, ktoré majú odlišné východiská a ciele, sú budované na odlišných teoretických konceptoch, používajú odlišné metódy a spracovávajú odlišné typy dát.

Klasická formalistická definícia diskurzu je odvodená z formalistického ponímania jazyka, v ktorom je diskurz charakterizovaný ako ďalšia rovina či dimenzia jazykovej analýzy existujúca v kontexte ďalších jednotiek, kategórií, systémov, či štruktúr. Záujem sa pri jeho výskume sústreďuje predovšetkým

na to, akým spôsobom sú „nižšie“ jednotky jazykového systému prepojené a v akom sú funkčnom vzťahu, ale prepojenie diskurzu s kontextom, ktorého je neoddeliteľnou súčasťou, sa opomína. O prepojení diskurzu s kontextom sa vo svojej práci zmieňuje aj V. E. Čerňavskaja (2016, s. 104), ktorá konštatuje, že „[...] дискурс обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом.“ Diskurz sa teda poníma ako jednotka, ktorá je na vyššej úrovni než veta alebo iné súčasti textu a ktorá vzniká ako ich systematické spojenie. V tomto zmysle sa ďalej sledujú všetky prostriedky textovej súdržnosti (kohézia a koherencia).

Funkcionalistická definícia diskurzu vychádza z analýzy jazyka v jeho používaní (pri štúdiu jazyka sa nemôže zabúdať na také javy, ako je komunikačný zámer, cieľ, funkcie a ďalšie javy spojené s osobnosťou komunikanta). Podľa N. Fairclougha (1989, s. 23) je jazyk súčasťou spoločnosti, je to spoločenský fenomén svojho druhu a ostatné spoločenské javy v ňom nachádzajú svoj odraz. Diskurz je v tomto ponímaní neoddeliteľný od spoločnosti a vzniká ako kultúrne a sociálne podmienená realizácia konkrétnych komunikačných funkcií. Záujem sa pri výskume diskurzu sústreďuje skôr na vplyv komunikačných cieľov, existujúci kontext a použitie stratégií na jeho výslednú podobu. S tým taktiež súvisí opomínanie kvantitatívnych výskumných metód a akcentovanie kvalitatívneho zhodnotenia komunikačných zámerov, cieľov a spôsobu ich realizácie. Vety, v tomto kontexte výpovede, nie sú hodnotené z hľadiska dosiahnutých gramatických kvalít, ale sleduje sa skôr adekvátnosť ich použitia vzhľadom na aktuálny komunikačný kontext.

Diskurz teda môže byť ponímaný buď ako realizácia jazykového systému, alebo ako realizácia (mimo)jazykových funkcií. Pri vytváraní definície diskurzu nesmieme opomenúť žiadnu z jeho zložiek. Bolo by chybou ignorovať funkciu a vzájomné prepojenie jednotiek nižších jazykových rovín, rovnako ako by bolo chybou opomenúť vplyv mimojazykových sociálnych aspektov uskutočňujúcej sa komunikácie. Diskurz nevzniká ako náhodný súbor dekontextualizovaných jazykových jednotiek, ale ako súbor kontextualizovaných prostriedkov jazykového použitia (bližšie pozri Schiffrin, 1994, s. 39).

J. Kraus (2003, s. 17) upozorňuje na štyri základné črty, ktoré sú spoločné prakticky pre všetky ponímania diskurzu:

1. schopnosť prenášať informácie;
2. súdržnosť alebo koherencia realizovaná tak na úrovni významu, ako aj na úrovni formálneho vyjadrenia;

3. situačnosť realizovaná v zmysle zasadenia diskurzu do konkrétneho prostredia (vrátane vyjadrenia vzťahu k sociálne, generačne, názorovo a pod. vymedzenému recipientovi);
4. intertextovosť, teda prepojenosť s inými podobne zameranými textami.

Ďalšou črtou diskurzu je jeho inštitucionálnosť, t. j. úzke spojenie s konkrétnou organizáciou či inštitúciou. S týmto prepojením súvisí ustáľovanie určitých textových typov či rámcov, a tiež anticipácia obvyklej komunikačnej situácie, do ktorej participanti v inštitucionalizovanej komunikácii prístupujú. Podľa J. Krausa (2003, s. 18 – 19) „[...] z prací všetkých autorů obecně vyplývá vymezení diskurzu jako obsahově, tematicky a jazykově vymezené, sociálně institucionalizované a situačně zasazené formy textu. Jinak řečeno, na rozdíl od textu (koherentního zřetězení vět) jako abstraktní kategorie v rámci *langue* se diskurz definuje jako text s určitým atributem, t. j. přesně vymezeným vztahem k určitému prostředí a funkci. Na základě jistým způsobem stanovených kritérií se tak rozlišuje diskurz politický, ideologický, teologický, konzervativní, socialistický, podle profesního zařazení autora se rozlišuje diskurz politiků, lékařů, humanitních nebo přírodovědných badatelů, manažerů, ekologů aj. Autorsky podmíněný bývá diskurz významné osobnosti (politika, literárního tvůrce aj).“

2. Diskurz alebo text?

Podľa J. Hoffmannovej (1997, s. 8) sa oba pojmy môžu používať buď v podstate synonymne, bez potreby terminologického odlišenia, alebo ako dva rôzne pojmy. Rozdiel v ich použití môže súvisieť s kódom. Pre písaný komunikát sa používa pojem *text*, zatiaľ čo pre hovorený pojem *diskurz*. A napokon diskurz môže byť vnímaný ako širší pojem než pojem *text*. Svojím významom je diskurz textu nadradený, pretože v sebe zahŕňa celý komplex či systém textov nejakým spôsobom spolu súvisiacich či prepojených. T. A. van Dijk (1997, s. 23 – 24) sa zaoberá rozdielmi medzi textom a diskurzom a dospel k záveru, že analýza textu smeruje k abstraktnejším štruktúram, zatiaľ čo výskum diskurzu a prehovoru skôr k dynamickejším aspektom spontánnej interakcie. Prvý prístup sa inšpiruje viac lingvistikou a druhý zasa spoločenskými vedami.

Diskurz môžeme definovať aj ako súbor navzájom intertextovo prepojených oznámení (ústnych alebo písomných), ktoré prináležia špecifickému semiotickému typu a majú spoločnú hypertému, ako je napr. nezamestnanosť, imigrácia, genderové problémy a pod. Každá táto zdieľaná hyper- či makrotéma so sebou prináša rad súvisiacich mikrotém. Diskurz ako taký potom

nepredstavuje uzavretý systém, ale práve naopak, môže dochádzať k jeho operatívne rozširovaniu o ďalšie súvisiace oblasti a témy (bližšie pozri Wodak, 2001, s. 66). Komunikované témy sa šíria naprieč rôznymi diskurzami s presahom do ďalších rôznych oblastí a tým prepojujú diskurzy navzájom medzi sebou. Text je potom možné definovať ako aktuálnu realizáciu jazykového kódu, ako materiálne naplnenie jazykového použitia. Popri pojmoch *diskurz* a *text* je potrebné špecifikovať aj súvisiaci pojem **žáner**, ktorý možno chápať ako konvencionalizovanú a fixovanú formu spojenú s konkrétnou spoločenskou situáciou či aktivitou (ibid. s. 66). V praxi potom dochádza k prepojeniu určitej spoločenskej aktivity a diskurznej témy, čím je podmienená voľba žánru a následná realizácia konkrétneho textu. Všetky tieto procesy sa uskutočňujú na pozadí štyroch typov kontextových prepojení:

1. okamžitý, aktuálny jazykový kontext;
2. intertextový a interdiskurzívny vzťah medzi prehovorom, textom, žánrom a diskurzom;
3. mimojazykový spoločenský kontext (vrátane vzťahu k inštitúciám a pod.);
4. širší politický, historický a spoločenský kontext.

Z vyššie uvedeného vyplýva, že predmetom záujmu sa stáva aj spôsob, akým je analyzovaný text zapojený do systému verejnej komunikácie, ako sa v jeho výstavbe odráža intertextové prepojenie s komunikátmi podobného typu a v neposlednom rade taktiež historický kontext, ktorý je vždy analyzovaný ako integrálna súčasť oznámenia a adekvátne ovplyvňuje spôsob jeho interpretácie (bližšie pozri Wodak, 2001, s. 70).

3. Text

Pojem *text* (lat. *textus* – tkanina/látka) je do značnej miery zložitý fenomén a podľa N. F. Alefirenka a kol. (2012, s. 8) sa ním obyčajne rozumie „[...] объединённая смысловой связью последовательность языковых знаков.“

J. Dolník a E. Bajziková v práci *Textová lingvistika* (1998, s. 9–10) pod pojmom *text* chápu písané aj hovorené rečové produkty a ekvivalentne používajú termíny text – jazykový prejav – prehovor – komunikát. Autori text definujú ako relatívne uzavretý komunikačný celok, ktorý na základe obsahovej a ilokučnej štruktúry plní propozičnú a pragmatickú funkciu. Súčasne autori považujú text za jazykovo-komunikačný útvar, komunikačný produkt, ako aj výsledok rečovej činnosti. M. Nekula v práci *Průruční mluvnice češtiny* (2012, s. 652) definuje texty ako „celistvé (komplexní) a zpravidla též soudržné (koherentní) jazykové útvary, jejichž prostřednictvím mluvčí realizuje různé komunikační cíle.“ R. Müller a P. Šidák v práci *Slovník novější literární teorie*.

Glosár pojmov (2012, s. 521) ponímajú text ako „[...] znakový, materiálne fixovaný prostriedok komunikácie vznikajúci výberom jednotiek ze škály paradigmatu a jejich syntagmatickým zřetězením.“ Podľa J. Sokolovej (2012, s. 110) „[...] text prezentuje zámerné usporiadanie výpovedí (výpovedných aktov), zmyslom ktorých je odovzdávať príjemcovi primerané množstvo sémantickej a/alebo pragmatickej informácie. Uskutočňuje sa to v súhre hierarchicky a diskkrétne organizovaných lingvistických, paralingvistických a extralingvistických prostriedkov.“

Text je v *Encyklopedickom slovníku češtiny* (2002, s. 489–490) vymedzený ako konkrétny jazykový prejav, prehovor (písaný a ústny) so základnými charakteristickými črtami, ku ktorým patrí komplexnosť, vnútorné usporiadanie, organizovanosť daná predovšetkým textovou kohéziou a koherenciou, tematická a funkčná jednota, uzavretosť a ohraničenosť a pod. V rôznych koncepciách môže byť text ponímaný ako jednotka *langue* aj *parole*. V zhode s J. Svobodovou (2016, s. 17) sa ako zásadné javí ponímanie textu ako samostatnej, izolovanej jednotky konkrétne realizovaného prehovoru. Stotožňujeme sa aj s nasledujúcim návrhom autorky, a to: aj naďalej text ponímať ako aktuálne realizovanú demonštráciu znakového a jazykového systému, ako konkrétny komunikát (bližšie pozri prácu J. Sokolovej (2017). Diskurz v zhode s J. Svobodovou hodnotíme širšie ako štrukturovaný súbor intertextovo prepojených textov s určitou funkciou a situačnou charakteristikou ovplyvnenou vo svojej výslednej podobe komplexom jazykových a mimojazykových funkcií (porov. Svobodová, 2016, s. 17).

Záver

V kontexte súčasného lingvistického ponímania je pojem *diskurz* významovo blízky k pojmu *text*, ale zdôrazňuje dynamický, v čase rozvíjajúci sa charakter jazykovej komunikácie, t. j. poníma sa ako reč začlenená do komunikačnej situácie. V porovnaní s tradične skúmanou rečovou činnosťou jedinca diskurz predstavuje kategóriu so zreteľnejšie vyjadreným sociálnym významom. Text sa chápe predovšetkým ako statický objekt, t. j. ako výsledok jazykovej činnosti. Podobný názor zdieľa aj I. Dulebová (2011, s. 3), keď tvrdí, že „[...] diskurz je textom realizovaným v konkrétnej komunikatívnej situácii a úplne rovnoprávne sú vždy v ňom prítomné dve roviny: predmetná a tematická, resp. subjektívna a tematická. Inými slovami v diskurze stále konštruujeme nielen svet, ale aj seba a robíme to zakaždým akoby vždy odznova.“ Z. Kováčová (2017, s. 15) uzatvára, že „[...] otázka vzťahu textu a diskurzu, resp. problém identifikácie diskurzívneho chápania textu je v lingvistickom bádani neustále otvorený [...], pričom textová lingvistika, resp. teória textu

zaznamenala kvalitatívne významný posun v chápaní jazyka a reči, resp. textu ako výsledku rečovej činnosti.“

LITERATÚRA

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. и колл.: Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. Москва: Флинта – Наука 2012. 232 с. ISBN 978-5-9765-1040-1 (Флинта); 978-5-02-037351-8 (Наука).
- ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е.: Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. Москва: Флинта – Наука 2016. 208 с. ISBN 978-5-9765-1454-6 (Флинта); ISBN 978-5-02-037800 (Наука).
- ДЕЙК, Т. А. ван: Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. Москва: Прогресс 1989. 312 с. Bez ISBN.
- DIJK, T. A. van: Discourse as structure and process. Discourse Studies. A multidisciplinary introduction. Volume 1. London: Sage Publications 1997. 356 s. ISBN 0-8039-7844-8.
- DOLNÍK, J.: Jazyk – člověk – kultura. Bratislava: Kalligram 2010. 224 s. ISBN 978-80-8101-377-5.
- DOLNÍK, J. – BAJZÍKOVÁ, E.: Textová lingvistika. Bratislava: Stimul 1998. 134 s. ISBN 80-85697-78-5.
- DULEBOVÁ, I.: Prístupy k definovaniu termínu diskurz v súčasnej ruskej a slovenskej jazykovede. In: Jazyk a kultúra, roč. 2, 2011, č. 7, s. 3. ISSN 1338-1148.
- FAIRCLOUGH, N.: Language and Power. London: Longman 1989. 264 s. ISBN 978-1-13-879097-1.
- FAIRCLOUGH, N.: Discourse and social change. Cambridge: Polity Press 2006. 259 s. ISBN 0-7456-1218-0.
- HOFFMANNOVÁ, J.: Stylistika a současná situace stylistiky. Praha: Trizonia 1997. 200 s. ISBN 80-85573-67-9.
- HOMOLÁČ, J.: Diskurz o migraci Romů na příkladu internetových diskusí. In: Sociologický časopis, roč. 42, 2006, č. 2, s. 329 – 351.
- KARLÍK, P. – NEKULA, M. – RUSÍNOVÁ, Z. (Eds.): Příruční mluvnice češtiny. 2. vydání, opravené. Praha: Nakladatelství Lidové noviny 2012. 799 s. ISBN 978-80-7106-624-8.
- KOVÁČOVÁ, Z.: Kultúrny text ako diskurz. K otázke ontológie percepcie textu pre deti. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2017. 162 s. ISBN 978-80-558-1146-8.
- KRAUS, J.: Vyjadřování polemčnosti a významových opozic v politickém diskurzu. In: S. Čmejrková – J. Hoffmannová (eds.): Jazyk, média, politika. Praha: Academia 2003, s. 13 – 39.
- MÜLLER, R. – ŠIDÁK, P. (Eds.): Slovník novější literární teorie: glosár pojmů. Praha: Academia 2012. 699 s. ISBN 978-80-200-2048-2.
- SCHIFFRIN, D.: Approaches to Discourse. Massachusetts: Blackwell Publishers 1994. 470 s. ISBN 0-631-16622-X.
- SOKOLOVÁ, J.: Texty – zobrazenia – komunikáty. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2017. 330 s. ISBN 978-80-558-1221-2.

- SOKOLOVÁ, J.: Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2012. 144 s. ISBN 978-80-558-0156-8.
- SVOBODOVÁ, J.: Manipulace a argumentace v politickém a mediálním diskurzu. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci 2016. 214 s. ISBN 978-80-244-4923-4.
- WODAK, R.: The discourse – historical approach. In: R. Wodak – M. Meyer (eds.): *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, s. 63 – 94.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ВИКЛАДАННЯ ДИСЦИПЛІН ІСТОРИКО-ЛІНГВІСТИЧНОГО ЦИКЛУ В УКРАЇНСЬКІЙ ВИЩІЙ ШКОЛІ

Олена Кумеда

Кафедра української мови
Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка, Україна

CURRENT ISSUES IN TEACHING HISTORICAL AND LINGUISTIC COURSES IN UKRAINIAN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS

Abstract: The article aims at drawing educationalists' and scholars' attention to the long-standing problem of apprehensible and at the same time adequate coverage of the complex issues on the history of the Ukrainian language, some of which are controversial, in the university language teaching process. In particular, the focus is set on the difficulties of teaching that are caused by the lack of needed new material at Ukrainian universities, primarily the lack of new academic courses on the language history which can become a worthy alternative to the ideological textbooks compiled in the official Soviet doctrine time. Therefore, the success of teaching the core disciplines of diachronic linguistics is primarily assigned to the lecturer and correlates to the level of their professional competence and motivation for self-education that can result in original interpretations of fundamental linguistic problems. Undoubtedly, provided that the lecturer has compiled decent miscellaneous material, more or less balanced (without claims for the ultimate truth), a syncretic version of the origin of the Ukrainian language as a separate linguistic system and, incidentally, the Ukrainian standard language, with an important emphasis on the difference between the periodization of the history of the Ukrainian language and the history of the Ukrainian standard language will be the most appropriate.

Key words: Old Russian language, Old Ukrainian language, History of the Ukrainian language, History of the Ukrainian standard language, Praslavonic language

Традиційно архітектоніку історико-лінгвістичної підготовки вчителя-словесника в українських ВНЗ базовано на трьох китах, якими є дисципліни діахронічного мовознавства: «Старослов'янська мова», «Історична граматики української мови», «Історія української літературної мови». Їх вивчення розпочинає синтетичний пропедевтичний курс «Вступ до слов'янської філології», що охоплює цілий комплекс не тільки суто лінгвістичних, а й історичних, етнолінгвістичних, культурологічних питань. Донедавна цей важливий університетський курс викладали за

застарілими (інколи раритетними) підручниками, «розрізненими працями вітчизняних і зарубіжних учених» (Півторак, 2009, с. 133). В останнє десятиріччя з появою нової навчальної літератури, насамперед підручника В. В. Лучика, ситуація дещо покращилася. Проте схвалений відомим істориком мови Г. П. Півтораком як «добротний підручник», «своєрідна міні-енциклопедія слов'янознавства» (Півторак, 2009, с. 136), рекомендований Міністерством освіти і науки доробок В. В. Лучика так і не став загальнодоступним. За цих обставин викладач відповідного курсу мусить сам подбати про найважливіший складник навчально-методичного забезпечення дисципліни, створивши електронний конспект лекцій, навчальний посібник тощо. Такий доробок має стати продуктом серйозних багатовекторних напрацювань лектора, оскільки йдеться про доступне й водночас адекватне висвітлення складних питань мовознавчої науки, частина яких належить до дискусійних.

Так, приміром, у славістиці гіпотетичність стосується походження слов'ян та їхньої прабатьківщини, хронології прасхіднослов'янського періоду й статусу східнослов'янських говорів у незадокументований період¹, зокрема, й питання часу, коли саме припинила існування східнослов'янська мовна єдність², оскільки писемні пам'ятки східних слов'ян сягають пізнішого часу; немає одностайності в трактуванні писемно-літературної мови Київської Русі, питання щодо первинності кирилиці чи глаголиці та ін. Сьогодні, за спостереженнями В. В. Німчука, «найгостріші дискусії точаться навколо того, чи східнослов'янський мовний масив X–XIII ст. був діалектним розмаїттям одної мови – давньоруської, чи тут існували вже три мови – українська, білоруська та російська або навіть чотири – українська, білоруська, південноросійська й північноросійська (новгородська)» (Німчук, 2001).

¹ В. В. Німчук, наприклад, зосереджує увагу на двох версіях: 1) окремий протосхіднослов'янський діалект чи група говорів у складі праслов'янської мови, зокрема, в пізній період її розвитку – тобто в V – VI ст.; 2) відносно єдина східнослов'янська прмова, що виділилася після розгалуження («розпаду») праслов'янської мови V – VI ст. й існувала у вигляді споріднених діалектів до IX–X ст. (Німчук, 2001).

² Сам факт окреслення такої проблеми є апіорі визнанням існування прасхіднослов'янської мовної єдності без урахування альтернативних теорій, доказова база яких сьогодні ставить під сумнів період одностайної східнослов'янської (чи «праруської») мови (Мозер, 2011, с. 5); натомість уже позадискусійним є час розпаду праслов'янської мови-основи – VI ст. н. е., чим, відповідно, визнається її випробуваний часом статус «прамови».

Висвітлення означених та інших проблемних питань славістики має логічне продовження в навчальних курсах з історії мови, викладання яких нині, на жаль, здійснюється здебільшого в оперті на застарілу джерельну базу – заідеологізовані підручники, створені в умовах офіційної радянської доктрини. Щоправда, останнім часом у науково-навчальному дискурсі актуалізовано напрацювання С. Й. Смаль-Стоцького, І. І. Огієнка, О. Т. Горбача, Ю. В. Шевельова, В. К. Чапленка та інших мовознавців, чий імена й студії упродовж тривалого часу були під забороною; проте до сьогодні не створено жодного підручника, що став би гідною альтернативою капітальній праці за редакцією М. А. Жовтобрюха – *«Історична граматика української мови»* (1980). Лакунарність цієї частини вітчизняної лінгводидактики пояснюється відсутністю цілісної наукової концепції, випрацювання якої пришвидшило б видання нових академічних курсів з історії мови.

Відчутним зрушенням в оновленні теорії в галузі історії української літературної мови став підручник В. М. Русанівського (Русанівський, 2002); на думку рецензентів, це «єдине нове видання в Україні, що на сучасній методологічній основі синтезує різноаспектні характеристики розвитку і функціонування літературної історії української мови: динаміку мовних норм, стилістичне вдосконалення, персоналізацію внеску мовної особистості тощо» (Шевченко – Ніка, 2004, с. 101). Потребу осмислення актуальних проблем історичної лінгвістики в системі нового знання маніфестує посібник О. І. Ніки (Ніка, 2013): у ньому відображено «зріз сучасних наукових уявлень про літературну історію української мови», запропоновано ознайомлення з дискусійними питаннями в історичній лінгвістиці (зокрема, й у рецепції В. М. Русанівського), відповідно до традиційних та сучасних поглядів «показано різні терміни-синоніми на означення літературної мови» тощо (Мойсієнко, 2014, с. 163 – 164).

На жаль, названі праці – швидше рідкісний, ніж загальнодоступний навчальний матеріал, а отже (як і у випадку зі вступом до слов'янської філології) пересічний викладач, позбавлений надійних орієнтирів – у форматі нових академічних видань для вищої школи, мусить самотужки об'єктивувати лінгвістичну інформацію, репродукуючи її в концептах сучасної наукової думки. Тож, самоочевидно, що успіх викладання базових дисциплін діахронічного мовознавства сьогодні покладено насамперед на лектора й корелює з рівнем його фахової компетентності та мотивації до самоосвіти, результатами якої можуть стати своєрідні *етюди-інтерпретації* до фундаментальних наукових проблем. Серед них, крім названих вище, такі контroversійні (часто не вповні досліджені) міждисциплінарні питання, як: періодизація історії української мови

та історії української літературної мови, мовна ситуація в Київській Русі, українсько-білоруська мова Великого князівства Литовського, культурно-національне відродження в Україні у XVI – XVII ст. і нові ознаки мови в часи Реформації, причини занепаду староукраїнської книжної традиції у XVIII ст. Висвітлення цих та інших питань ускладнюється термінологічною неодностайністю (синонімічністю), зокрема на позначення літературної мови в різні періоди її функціонування (Мойсієнко, 2014, с. 164).

Так, на позначення мовної ситуації в Київській Русі поруч із традиційно вживаним терміном «давньоруська літературна мова» у науковий обіг уведено поняття «давньокиївська літературна мова», який у потрактуванні В. М. Русанівського видається слушним, однак не вповні вмотивованим з огляду на недоведеність гіпотези про тотожність (чи аналогічність) розвитку літературної мови в інших частинах Київської Русі: «еволюція, яку пройшли літературні мови в інших культурно-політичних осередках тієї частини Русі, що пізніше дістала назву *Україна*, зовсім не мусила бути такою самою, як у Києві»; «кожна місцевість могла мати власний варіант не лише говірної, а й унормованої мови» (Шевельов, 1999). Ю. В. Шевельов підкреслює той факт, що донині нам «нічого не відомо про мовне тло Чернігова чи Переяслава», до того ж відмінність західноукраїнських пам'яток (грамот, текстів Галицької Євангелії) від київських дає підстави припускати, «що на цій частині майбутньої української території до 1341 р. розвинулася власна літературна мова на основі говірної, яка не збігалася з мовою Києва та прилеглих до нього земель» (Шевельов, 1999).

Так чи інакше, на тій підставі, що до енциклопедії «Українська мова» включено статтю «Давньоруська мова» В. А. Глуценка, Г. П. Півторака (ЕУМ, 2004, с. 129), цілком правомірно оперувати цим терміном у вищій школі, причому в річищі напрацювань сучасної мовознавчої науки важливо, розмежовуючи поняття *діалектної (усної)* та *літературної (писемної)* давньоруської мови – в обох випадках *спільносхіднослов'янської*, маніфестувати альтернативні погляди на генеалогічне дерево східнослов'янських мов. Насамперед, на нашу думку, під час викладання має бути виразно акцентованою, з одного боку, умовність уживання терміна *давньоруська мова* на позначення діалектного мовлення східних слов'ян, що вмотивовано недоведеністю існування спільної усної давньосхіднослов'янської мови³, з іншого – прийнятність такого називання

³ Ряд дослідників заперечує існування в минулому спільносхіднослов'янської мови, пов'язуючи початок формування української, російської та білоруської мов безпосередньо з розпадом *праслов'янської мови* (С. Й. Смаль-Стоцький,

для писемно-літературного різновиду мови східних слов'ян, які населяли Київську Русь⁴. Окремих коментарів лектора вимагає полеміка провідних лінгвістів щодо характеру літературно-писемної мови X – XIII ст. – *монолінгвізму, білінгвізму* чи *диглосії* в державі тощо. Загалом такий спосіб викладу навчального матеріалу уможливить ознайомлення студентів з концепціями різних учених, зокрема, І. І. Огієнка, Ю. В. Шевельова, В. М. Русанівського, В. В. Німчука, Г. П. Півторака та ін. Поза сумнівами, суцільна гіпотетичність у висвітленні ледь не кожного аспекту мовної ситуації в Київській Русі значно ускладнює науково-навчальний дискурс, який передбачає не тільки безстороннє студювання візій тих чи інших учених, а й визначення домінант пропонованого знання, відтак формулювання засадничих положень та висновків. Імовірно, серед останніх свою нішу має знайти і той стрижневий, що виявляє хронотоп *давньоукраїнської мови* в усіх її виявах⁵, тим більше, що «на той час, з якого до нас дійшли перші писемні пам'ятки, нагромадження специфічно українських рис є значним» (Шевельов, 2002, с. 46).

Виходячи з концепції Ю. В. Шевельова, справжня, «жива» українська мова ніколи не була «давньоруська» чи «спільноруська», «вона поставала й постала з праслов'янської, формуючися від VI до XVI ст.» (Шевельов, 1996, с. 204); говори VI – VII ст., у яких припускаються елементи, що нині характеризують українську мову, учений називає *протоукраїнською мовою*, а відповідні діалекти від XI до кінця XIV ст. – *давньоукраїнською* (Шевельов, 2002, с. 54). Так само В. В. Німчук констатує виокремлення сукупності основних визначальних рис, що характеризують лінгвосистему півдня Русі (насамперед звукову), уже в XI – XII чи на поч. XIII ст.⁶; цю

Є. К. Тимченко, І. І. Огієнка, Ю. В. Шевельов, В. М. Русанівський, О. Б. Ткаченко, Г. П. Півторак, І. Г. Матвіяс, В. Г. Скляренко та ін) (ЕУМ, 2004, с. 129).

⁴ Нині «всі фахівці сходяться на тому, що східні слов'яни XI – XIII ст. мали спільну писемно-літературну мову: або давньоруську, або старослов'янську (церковнослов'янську) чи обидві разом» (Німчук, 2001).

⁵ В опорі на тезу Ю. В. Шевельова, звернімо увагу на ту обставину, що мовознавство тривалий час «хибувало на нерозрізнення фактів» історії мови літературної та мови «говірної» (діалектної), однак «відмінність між цими двома галузями історичної лінгвістики... для історії української мови є важливішою, ніж для багатьох слов'янських мов» (Шевельов, 1999).

⁶ Умови виокремлення означеної низки рис, як і загалом розвиток сучасних східнослов'янських мов, В. В. Німчук пов'язує з діалектним розмаїттям живого мовлення східного слов'янства X – XIII ст., а не монолітною давньоруською (давньосхіднослов'янською) мовою – «структурно одноманітної живої мови східних слов'ян в X – XIII ст. не було»; при цьому вчений піддає

лінгвосистему, на переконання дослідника, є «всі підстави називати *давньою руськоукраїнською (українськоруською) мовою*» (Німчук, 2001).

Залишаючись винятково на платформі традиційних (навіть посутньо оновлених) уявлень та відповідної їм термінології – нехай і з уточненнями (в дусі сучасної мовознавчої аксіології) дефініціями⁷, – точкою відліку треба вважати період пізнього середньовіччя, оскільки за такою логікою власне українська мова – і то літературна! (*староукраїнська*)⁸ виходить на авансцену тільки в XIV ст.; поза тим ЕУМ (в особі В. М. Русанівського) починає відлік історії української мови від праслов'янської мовної єдності – до VI ст. н. е., однак значний відтинок цієї історії (приблизно до XIV ст.) схарактеризовано в таких формулюваннях, які не сприяють оприядженню *давньоукраїнської мови*⁹. Щоправда, у загальному огляді історії української літературної мови ЕУМ (в особі С. Я. Єрмоленко) терміни *давньоруська мова* та *староукраїнська літературна мова* подано

сумніву міркування про відсутність прасхіднослов'янської мовної єдності, тобто можливість розвитку східнослов'янських мов безпосередньо з праслов'янської, вважаючи, що навіть аргументація «видатного історика мови» Ю. В. Шевельова не розв'язує до кінця проблеми (Німчук, 2001).

⁷ «Давньоруська мова – мова східних слов'ян, які населяли Київську Русь»; «давньоруська (спільносхіднослов'янська) мова – це певна абстракція, набір характерних лінгвальних рис, якими східнослов'янські діалекти VII – XII ст. вирізнялися серед інших слов'янських. Оскільки давній східнослов'янський мовний ареал був діалектно досить виразно здиференційований, монолітної, структурно одноманітної давньоруської мови не було» (ЕУМ, 2004, с. 129).

⁸ Стаття в ЕУМ «Староукраїнська літературна мова» В. М. Русанівського (ЕУМ, 2004, с. 641 – 644).

⁹ Найбільш показові з них такі: східнослов'янські племена мали спільну у своїй основі мову, яка, однак, розпадалася на племінні діалекти; сукупність цих говірок утворювала східнослов'янський мовний масив, або *давньоруську мову*; писемні пам'ятки XI – XII ст. засвідчують у мові південносхіднослов'янських племен такі риси... Нові протоукраїнські мовні особливості з'являються після занепаду глухих голосних **ъ** та **ь**; усі ці нові риси, що нагромаджувались у південно-західній частині східнослов'янського мовного масиву, дедалі більше відрізняли її від північно-східної і, меншою мірою, від західної частини. Державні кордони, що виникли в XIII ст. внаслідок нападу на Русь монголо-татарської орди, сприяли тому, що кожна з трьох діалектних груп стала розвиватися за своїми власними законами. Процес диференціації східнослов'янської мовної єдності, що починається у домонгольський період, завершується у післямонгольський (ЕУМ, 2004, с. 235 – 236).

як тотожні, а пам'ятки, написані цією мовою, номіновано як *київські* чи ширше – *південноруські* (Українська мова, 2004, с. 232 – 235).

Отже, більш-менш виваженою (без претензії на істину в останній інстанції) у вищій школі виглядатиме синкретична версія походження української мови як окремої лінгвосистеми та супровідно – української літературної мови, з важливим акцентом на відмінності критеріїв періодизації історії української мови та історії української літературної мови.

ЛІТЕРАТУРА

- МОЗЕР, М.: Прасхіднослов'янська мови чи східнослов'янська мовна спільність. In: Причинки до історії української мови. Вінниця: Нова книга 2011, с. 13 – 18. ISBN 978-966-382-366-9.
- МОЙСІЄНКО, В. Новий посібник з історії української літературної мови (Ніка О. І. Історія української літературної мови: [посібник]. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка 2013. 316 с.). In: Українська мова, 2014, № 1, с. 163 – 166. ISSN 1682-3540.
- НІКА, О. І. Історія української літературної мови. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка 2013. 316 с. ISBN 978-966-655-682-3.
- НІКА, О. І. Історія української літературної мови в системі нового знання. In: Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. Київ: ВПЦ «Київський університет» 2013. Вип. 26, с. 57 – 68. ISSN 2311-2697.
- НІКА, О. І. Концепція історії української літературної мови В. М. Русанівського. In: Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. Київ: ВПЦ «Київський університет» 2011. Вип. 22, с. 18 – 28. ISSN 2311-2697.
- НІМЧУК, В. В. Мова. In: Історія української культури. У 5 т., 9 кн. Ред. Б. Є. Патон. Київ: Наукова думка 2001. Т. 1. 1134 с. ISBN 966-00-0541-5. Dostupné na internete: <http://litopys.org.ua/istkult/ikult01.htm>.
- НІМЧУК, В. В. Літературні мови Київської Русі. In: Історія української культури. У 5 т., 9 кн. Ред. Б. Є. Патон. Київ: Наукова думка 2001. Т. 1. 1134 с. ISBN 966-00-0541-5. Dostupné na internete: <http://izbornyk.org.ua/istkult/ikult02.htm>.
- ПІВТОРАК, Г. П. Рецензія на книгу: Лучик В. В. Вступ до слов'янської філології: підручник. Київ: Вид. центр «Академія», 2008. 344 с. In: Мовознавство, 2009, № 3 – 4, с. 133 – 136. ISSN 0027-2833.
- РУСАНІВСЬКИЙ, В. М. Історія української літературної мови. Київ: АртЕк 2002. 424 с. ISBN 966-505-041-9.
- ЕУМ: УКРАЇНСЬКА МОВА: енциклопедія. Редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. Київ: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана 2004. 824 с. ISBN 966-7492-19-2.
- ШЕВЕЛЬОВ, Ю. Історична фонологія української мови. Харків: Акта 2002. 1054 с. ISBN 966-7021-62-9.

- ШЕВЕЛЬОВ, Ю. Українська літературна мова. In: Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Харків 1999, т. 8, с. 83 – 100. ISBN 966-7542-15-7. Dostupné na internete: http://maidan.org.ua/yuri_sheveliov/ukr_lit_mova.htm.
- ШЕВЕЛЬОВ, Ю. Чому общерусский язык, а не вітчоруська мова? З проблем східнослов'янської глотогонії. In: Історія української мови: хрестоматія. Упор. С. Я. Єрмоленко, А. К. Мойсієнко. Київ: Либідь 1996, с. 191 – 205. ISBN 5-325-00794-7.
- ШЕВЧЕНКО, Л. І. – НІКА, О. І. Тисячолітня історія літературного поступу української мови: рецензія на підручник В. М. Русанівського «Історія української літературної мови». Київ: АртЕк 2001; 2-ге доп. видання. 2002. 392 с. In: Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. 2004. Вип. 9, с. 99 – 102. ISSN 2311-2697.

ІВАН ФРАНКО І СОБОРНА УКРАЇНСЬКА ЛІТЕРАТУРНА МОВА

Вікторія Герман

Кафедра української мови
Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка, Україна

IVAN FRANKO AND UNIFIED UKRAINIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract: The article highlights the role of I. Franko in the formation and standardization of unified Ukrainian literary language as a unity of Eastern Ukrainian and Western Ukrainian peoples as well as analyzes his scientific linguistic heritage. I. Franko examined language problems not only in his linguistic works, but also in literary, folklore, philosophical, historical studies. His early works reflect both the Galician book language and the native Boykov dialect. But at his mature age I. Franko uses the literary language, which is a result of unification of the Western-Ukrainian literary language version and the Eastern Ukrainian one. I. Franko, defending the national language, denied Moscovophile ideas. Such works as „Moscow Swallow in Galician Rus“, „Ivan Gushalevich“, „Sincerity of Tone and Sincerity of Beliefs“, „Change of System“, „Do We Wake up Anyway“, „Bilingualism and Two Languages“ and some others are devoted to this problem. Franko plays a key role in protecting phonetic spelling, as well as a historical mission to defend Shevchenko's ways of developing the Ukrainian literary language. He constantly emphasized the equality and independence of the Ukrainian language among other languages and called on all Ukrainians to take care of it.

Key words: Unified Ukrainian literary language, national language, Galician literary language, Boykov dialect

І. Франко був передусім письменником і літературознавцем, але багато уваги приділяв мовознавству. Мовні проблеми він розглядав не лише в лінгвістичних працях, а й у літературознавчих, фольклористичних, філософських, історичних. Каменяр розглядав мову в усіх її типових аспектах: і як знак мислі, що виражає загальне, інформативне, джерело якого – в реальному; і як організовану евфонію, музичність, що підсилює ідею; і як зображувальний, пластичний, оцінний засіб; і як орнаментацию, найбільш характерну для стилізованих і фольклорних творів. Крім того, літературну мову письменник називав «репрезентанткою національної єдності». І. Франко мав глибоке переконання, що українська є самостійною мовою, а не діалектом іншої, – що, власне, й прагнув довести своєю діяльністю.

Творчість І. Франка на тлі історії української літературної мови досліджували мовознавці І. Білодід, І. Грицютенко, Е. Дмитровський, Керницький, Т. Космеда, І. Кочан, Н. Корнієнко, І. Матвіяс, О. Муромцева, П. Плющ, З. Франко та ін.

Мовотворчість І. Франка репрезентує й відображає всю складність функціонування української літературної мови в Галичині кінця XIX – початку XX ст. Під час діяльності І. Франка на творчій та науковій ниві було окреслено два варіанти розвитку української літературної мови – наддніпрянський і галицький, які попри значні спільні риси, мали відмінне у фонетиці, лексиці й граматиці.

У ранніх творах Каменяра відображені і галицька книжна мова, і його рідний бойківський говір. Сам І. Франко добре пізнав недоліки своєї мови і в передмові до нового видання «З вершин і низин» 1893 р. писав: «В моїх давніших віршах мова ще не зовсім чиста, це ще тим легше зрозуміти, що я особисто переходив деякі такі ступні розвитку (а хто в Галичині не переходив їх у тім часі!), де панувало намагання притлумити почуття живої чистої мови, котре ще змалку було в мене сильно розвинене. На мені в мініятурі повторилося те, що в великім розмірі бачимо на всій галицько-руській літературі: школа, граматика й спори язикові прибили й закаламутили чистоту народної мови» (Огієнко, 1995, с. 184).

Але в зрілому віці І. Франко користується літературною мовою, що становить наслідок об'єднання західноукраїнського варіанта літературної мови зі східноукраїнським. З'ясуємо, яким складним був творчий шлях І. Франка до такого синтезу, що, власне, і становить завдання нашого дослідження.

Загальновідомо, що в XVII – XVIII ст. існували три варіанти української літературної мови – слов'яноруський, народнорозмовний і простий. Наприкінці XVIII – на початку XIX ст. народнорозмовний варіант витіснив просту й слов'яноруську мови в Східній Україні. Становлення народнорозмовного варіанта літературної мови як єдиного пов'язане з творчістю І. Котляревського, Г. Квітки-Основ'яненка, П. Гулака-Артемівського, Т. Шевченка, П. Куліша та інших письменників цього періоду. Значну роль у цьому процесі відіграла граматика О. Павловського.

У той же період на території Буковини, Галичини й Закарпаття продовжувала функціонувати слов'яноруська літературна мова, оскільки більшість інтелігенції становило духовенство. Жива народна мова тут із труднощами завойовувала свої позиції, була пересипана місцевими говірками й російською мовою.

У другій половині XIX ст. формується східноукраїнський варіант літературної мови під впливом виходу журналу «Основа» (1861 – 1862 рр.).

Але в зазначений час жорсткою була русифікаторська політика царату: розпорядження про навчання в початкових школах тільки російською мовою, Валуєвський указ про заборону вживання української мови в науці й культурі, Емський указ про заборону друкувати й увозити з-за кордону україномовні книги тощо.

У Західній Україні діяльністю «Руської трійці» започаткований альманах «Русалка Дністрова» – це стало поштовхом до появи західноукраїнського варіанту нової літературної мови, на який значний вплив мали галицько-буковинська й карпатська група говорів (Матвіяс, 2003, с. 19).

У 50-х рр. XIX ст. провідним суспільно-політичним напрямком у Галичині було москвофільство. «Москвофіли у своїх поглядах орієнтувалися на ідеї панславистів, а галицьких українців уважали частиною російського народу і літературною мовою для них визнавали російську. Правда, справжньої російської мови вони не знали, їхньою мовою служила штучна мовна суміш, що одержала назву «язичіє». Унаслідок своєрідних суспільно-політичних умов прихильниками цього мовного витвору ставали впливові культурні діячі, які москвофілами не були. Цією мовою користувалися історики Д. Зубрицький, А. Петрушевич, письменники І. Гушалеви́ч, І. Наумович, Б. Дідицький, О. Духнович, на неї переходять автори «Русалки Дністрової» Я. Головацький та І. Вагилевич, прихильником її стає М. Устиянович» (Матвіяс, 2003, с. 19 – 20).

І. Франко, відстоюючи народну мову, заперечував москвофільські ідеї. Цій проблемі він присвятив такі праці, як «Московська ластівка на Галицькій Русі», «Іван Гушалеви́ч», «Щирість тону і щирість переконань», «Зміна системи», «Чи ми хоч тепер прокинемось», «Двоязичність і двомовність» тощо.

Так, у статті «Двоязичність і двомовність» Каменяр переконує: «Ти не маєш вибору: в якій мові вродився і виховався, тої без окалічення своєї душі не можеш покинути, так як не можеш замінитися з ким іншим своєю шкірою» (Франко, 2003, с. 12). А в праці «Зміна системи» зауважує: «Москвофільство язикове: се та наївна віра одної часті нашої малоосвіченої інтелігенції, що наша хлопська мова занадто проста, занадто невироблена для засвоєння культурних потреб нації і що, значить, нам треба прилучити ся до «общеруського» літературного руху, плодити й собі «общеруську» літературу... Те москвофільство язикове не помагає нам до національного розвою, як ржа не помагає стеблу до зросту; та воно не є причиною нашого слабого розвою, а наслідком нашої слабости... Це наша органічна слабість... наше лінивство, безхарактерність, крутість та лизунство...» (Франко, 1896, с. 19).

І. Франко став одним із засновників «Русько-української радикальної партії» (1890 р.). Радикали активно відстоювали народну мову, проклали шляхи до зближення східноукраїнського й західноукраїнського її варіантів, відстоювали думку, що в основі соборної літературної мови повинна бути жива мова Східної України (Матвіяс, 2003, с. 20).

Каменяреві належить провідна роль у відстоюванні фонетичного правопису, який започаткувала «Русалка Дністрова». Цим правописом – «желехівкою» – користувалася більшість народовських видань у Галичині та Буковині, а з 1895 року він став обов'язковим для шкіл Галичини, ним друкувалися «Записки наукового товариства ім. Шевченка». Боротьбі між прихильниками етимологічного й фонетичного правописів – найактуальнішому й найгострішому питанню галицької літературної мови 90-х рр. XIX ст. – присвячена праця І. Франка «Етимологія і фонетика в южно-руській літературі». Названа наукова праця істотно сприяла витісненню етимологічного правописного принципу в західноукраїнському варіанті літературної мови (Матвіяс, 2003, с. 24).

Мова І. Франка формувалася в незвичайно складних умовах. Хоч змалку він мав розвинуте почуття живої, чистої народної мови, проте потрапив у середовище, де це почуття всіляко намагались притлумити. Але вплив народної мови, сила Шевченкового слова та інших українських письменників, як він визнавав, перемогли. Автор «Каменярів» досконало оволодів скарбами рідної мови, постійно черпав із її джерела силу, багатство і для вираження своїх творчих задумів та ідей знаходив у мові народу слова, вливав у них силу свого генія, надавав їм соціального звучання. У передмові до «Мойсея» (1905 р.) І. Франко натхненно писав:

Народе мій,
В слові твому іскряться
І сила, і м'якість, дотеп і потуга,
І все, чим може вгору рух підняться.

Переглядаючи літературу Галичини, пересвідчуємось, що тут не було письменника, який глибше зрозумів би вагу соборної літературної мови й закликав би до неї інших. Москвофілам, які українську мову вважали діалектом, поет відповідав:

Діалект... А ми його надишем
Міццю духа і огнем любови,
І нестерпний слід його запишем
Самостійно між культурні мови!

На Каменяра мали великий вплив бойківські говори, але на пізніших етапах творчості діалектизми зведені до мінімуму, вживаються тільки ті, які становили вже норму західноукраїнського варіанту літературної мови. Ставлення до говорів у І. Франка було свідомим. Він був переконаний, що «правдиві поети все і всюди з багатого запасу народної мови вміють вибирати власне такі слова, які найшвидше і найлегше викликають у нашій душі конкретне смислове враження» (Франко, 1976, т. 16, с. 265).

Взаємодії літературної мови з народними говорами І. Франко присвятив працю «Літературна мова і діалекти», в якій робить висновки про те, що літературна мова кожного народу доти жива і здатна жити, доки збагачується елементами народних говорів, які літературна мова об'єднує в одне органічне ціле і стає репрезентантом національної єдності мовців. У цій праці автором визначається діалектна основа української літературної мови і висвітлюється взаємодія між літературною мовою і говорами.

Франкові належить історична місія відстоювання шевченківських шляхів розвитку української літературної мови, забезпечення, разом із М. Коцюбинським, Лесею Українкою та ін., її багатостильового, функціонального збагачення. Разом із М. Драгомановим, М. Павликом, С. Подолинським та ін. він дбав про розвиток публіцистичного й наукового стилів української літературної мови, використовуючи вироблені на той час суспільно-політичні й наукові поняття й дефініції, різноманітну книжну лексику і фразеологію. Мова публіцистичних творів І. Франка характеризується яскравою образністю, що має джерелом розмовну або літературну ідіоматику. Він став творцем цілої системи української літературознавчої термінології.

І. Франко працював над тим, щоб в українській мові з'являлися відповідники до запозичених понять і термінів, беручи за основу народні слова. Письменник дав сучасне тлумачення поняття «науковий термін» і фактично став основоположником наукового й публіцистичного стилів мови. Учений одним із перших увів до вжитку терміни «арго», «фонетична альтернація», «ономастика», «синтаксична конструкція», «суфікс», «означення» тощо.

Мовознавчими дослідженнями І. Франка, що й досі не втратили свого значення, є також статті «Говоримо на вовка – скажімо і за вовка», «Теорія і розвій історії літератури», «Володимир Самійленко», де охарактеризовано стан української літературної мови того часу. Висвітлення художньої природи мови, розрізнення понять «мова» і «мовлення» та розгляд різних питань теоретичної лінгвістики знаходимо в глибокому дослідженні «Із секретів поетичної творчості». Справді художнє зображення

забезпечується лише мовою. Його початок «почасти лежить уже в мові, – зазначає І. Франко, – і має своє джерело в стародавнім, антропоморфічним погляді на природу, що панував тоді, коли творилася мова, а почасти і в нашій психології, і в тім ...зчіплюванні образів, що є в значній часті основою нашого думання. Ми говоримо: сонце сходить, гора піднімається високо, шлях спускається круто вниз, степ стелиться рівно, яр біжить викрутасами, вулиця простягується просто і т. д. Ми вживаємо соток таких зворотів у мові, не думаючи про те, що це звороти наскрізь поетичні, се є спосіб малювання словами мертвої природи» (Франко, 1969, с. 164).

Представлене в праці «Із секретів поетичної творчості» Франкове дослідження «говореного слова», «живого образу», «поетичної краси» було новим явищем у світовій естетиці ХІХ– початку ХХ ст., як і його погляди на людську мову. Каменяр робить важливий науковий висновок, який проливає світло на розуміння природи і так званого «зміслового» змісту мови: «Наша мова – найбагатша на означення зору, менш багата, але все-таки багата на означення вражень слуху і дотику, а найбідніша на означення вражень смаку і запаху. Ся мова дає нам тисячі способів на означення далечини, світла в його нюансах, цілої скалі кольорів, цілої скалі тонів, шумів і шелестів, цілої безлічі тіл, але вона досить убога на означення різних смаків, а ще бідніша на означення запахів» (Франко, 1969, с. 118–119). Художньо-образне слово, на думку І. Франка, – імпульс, збудник, за яким постають ідеї, асоціації ідей. Справжній поет той, який за словом бачить образ, уміє постійно перетворювати словесне в образне.

Мистецтво загальнонародної мови, за концепцією І. Франка, органічно пов'язане з багатством її природи – «скарбівні людських досвідів, поглядів і почуттів, людської цивілізації» (Франко, 1969, с. 129). Мистецтво мови, виходячи із спостережень І. Франка, не обмежується лише динамікою семантичного рівня, а й охоплює всі інші мовні рівні – фонетичний, морфологічний, синтаксичний.

Концепція І. Франка з формування соборної української літературної мови знайшла свою реалізацію в його художній творчості. Так, у художніх текстах письменника представлено калькування слів і зворотів, запозичення, добір необхідних одиниць із розмовного мовлення, – мовні засоби, якими І. Франко зблизив галицький варіант літературної мови з наддніпрянським. У статті «Кілька слів про нашу літературну мову» автор вкотре висвітлює думку, що в основі української літературної мови повинна лежати мова народна.

Наукові й публіцистичні праці Каменяра такі ж талановиті, як і художні – поетичні, прозові, драматургічні. Геніальний письменник збагатив

українську літературну мову також численними перекладами, ставши глибоким теоретиком художнього перекладу.

У мові кожного письменника І. Франко шукав таких форм вираження думки, які сприяють тому, щоб поезія досягла «найвищої сили та гідності» (Франко, т. 17, 250). Сам він належав до тих авторів, що «уміють підігнати свої інтуїції під нормальне звучання звичайної мови і залишаються власниками, а не рабами мови, тому що їх тісний зв'язок із історичним і загальнонародним у мові дає змогу творити чудеса зі словами» (Корнієнко, 1955, с. 102).

І. Франко зробив великий внесок у формування й унормування української літературної мови, надаючи провідного значення соборній мові як вираженню єдності східноукраїнського й західноукраїнського народів. У спеціальних мовознавчих студіях, літературно-критичних статтях, замітках, рецензіях, листах тощо письменник висвітлив методологічні й теоретичні аспекти формування й розвитку української літературної мови, реалізація яких, власне, презентована у творчій спадщині митця. І. Франко чітко визначив умови розвитку літературної мови: розширення соціальної бази, оскільки це робить неможливим перетворення літературної мови на жаргон; засвоєння як мовних досягнень культури, так і діалектних елементів; усвідомлення майстрами слова духу живої народної мови.

І. Франко – великий патріот української мови. Він постійно наголошував на рівності й самостійності української серед інших мов і закликав усіх українців дбати про неї; переконував, що мова є одним із важливих чинників, який забезпечує об'єднання й спонукає до консолідації в кожній нації. Для України, яка впродовж кількох століть входила до складу різних держав, проблема літературної мови була (та й нині є) особливо актуальною й значущою.

ЛІТЕРАТУРА

- КОРНІЄНКО, Н. П.: Боротьба Івана Франка за чистоту української літературної мови. In: Мовознавство 1955, № 23, с. 86 – 103. ISSN 0027-2833.
- МАТВІЯС, І. Г.: Творчість Івана Франка на тлі історії української літературної мови. In: Мовознавство 2003, № 6, с. 18 – 24. ISSN 0027-2833.
- ОПІЄНКО, І.: Історія української літературної мови. Київ: Либідь 1995. 296 с. ISBN 5-325-00753-х.
- ФРАНКО, І.: Двоязичність і дволичність. In: Урок української 2003, с. 12 – 15. Без ISSN.
- ФРАНКО, І.: Зміна системи. In: Житє і слово 1896, кн. 5. Без ISSN.

- ФРАНКО, І.: Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Київ: Наукова думка 1976–1986. Без ISBN.
- ФРАНКО, І.: Із секретів поетичної творчості. Київ: Наукова думка 1969. 170 с. Без ISBN.

GOETHOVA POHÁDKA V AUTOBIOGRAFII MARGARITY SABAŠNIKOVÉ-VOLOŠINOVÉ ZELENÝ HAD¹

Patrik Varga

Katedra slavistiky
Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci, Česká republika

GOETHE'S FAIRY TALE IN MARGARITA SABASHNIKOVA-VOLOSHINA'S AUTOBIOGRAPHY THE GREEN SNAKE

Abstract: This study provides analysis of Margarita Sabashnikova-Voloshin's autobiography in the context of its intertextual relation to *Fairy Tale* by J.W. Goethe as well as interpretation of the significant importance of mentioned story for Voloshina with respect to her own perception of the meaning and architectonics of her life. The article also underlines connection between the thinking of Rudolf Steiner, who considered Goethe's *Fairy Tale* to be one of the most significant texts he had ever read, and subsequent esoteric context, which was typical of Voloshina's life reflection. Conclusion scrutinises Voloshina's diversion from the interpretation of *Fairy Tale* according to Steiner's philosophy, which was not very typical of her. She partially transposes her interpretation of Goethe's text from esoteric world to historiosophy. However, this interpretation is still strongly influenced by discourse of Steiner's theory of cultural cycles changing, which serves as a prism through which she observes the destiny of her homeland – Russia.

Key words: Anthroposophy, The Green Snake, Goethe, Rudolf Steiner, Margarita Voloshina

V roce 1954 vychází poprvé autobiografie ruské malířky, básnířky, spisovatelky a antroposofky Margarity Sabašnikovové-Vološinové. Je psána původně v němčině a autorka ji nazvala *Die grüne Schlange*, t. j. *Zelený had*. Do ruštiny byl tento text překládán po částech už v 70. letech antroposofkou M. Žemčužnikovovou, která Vološinovou osobně poznala, ale kompletního vydání v ruském jazyce opatřeného komentáři a vysvětlivkami M. Žemčužnikovové se kniha dočkala až na počátku 90. let. V úplném českém překladu tyto paměti zatím nevyšly.

Rámeček, ve kterém se může pohybovat odpověď na otázku po významu názvu ve vztahu k textovému celku, je dán v úvodu samotnou autorkou. Už v prologu nás Vološinová uvádí citátem z Goethovy *Pohádky* (*Das*

---

¹ Příspěvek vznikl za podpory MŠMT, grant IGA_FF_2016_055 Recepce vybraných témat soudobé německojazyčné kultury v dílech ruských autorů „stříbrného věku“ – antroposofické kontexty tvorby Margarity Vasiljevny Vološinové.

Märchen – závěrečná část jeho *Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten* (Goethe, 1982, s. 85–114) do kontextu nejen Goethovy tvorby, ale především otevírá téma času a jeho plnosti, které je pro interpretaci symboliky zeleného hada v jejích pamětech klíčové. Jde především o v Goethově textu třikrát zopakované zvolání: Čas se naplňuje („*Es ist an der Zeit.*“) (Woloschin, 2009, s. 7). Že se daný citát nachází ve vzájemném vztahu ke Zjevení svatého Jana („*Čas je blízko!*“) (Bible, Zj 1–2, 3), dokládá, jak ukázal Dietrich Spitta, vyjádření samotného Goetha, jenž vnitřní spřízněnost svojí Pohádky s biblickou Apokalypsou nejen nezastíral, ale dokonce se přímo zmiňoval o jejím profetickém charakteru (Spitta, 2008, s. 121).

Vološinová hovoří o základních pohnutkách, které ji vedly k výběru názvu, v předmluvě ke čtvrtému vydání z roku 1968. Zmiňuje zde význam přelomu věků (Zeitenwende), ve které se lidé podle jejího názoru právě nacházejí. Svůj život pak zpětně nahlíží jako pro tuto epochu symptomatický sled událostí zkomponovaný vyšším Mistrem, který vložil do tohoto života zpětně poznatelný smysl (Woloschin, 2009, s. 9).

Samotné slovní spojení *přelom věků* vnáší přímo na začátku pamětí do textu klíčový element apokalyptiky, který je umocněn přímým odkazem na Goethův text, v němž Vološinová spatřuje praobrazy (Urbilder) sil, které působí v člověku i kolem něj (Woloschin, 2009, s. 9). Že může být právě had chápán jako symbol změny, ukazuje H. Kretschmerová, když píše o dílčím významu hada svlékajícího se z kůže jakožto symbolu pro život, který obnovuje sám sebe. Prvek koloběhu času je pak obsažen v symbolu hada, který se kouše do vlastního ocasu (Kretschmer, 2008, s. 366–371).

Přímé odkazy na Goethův text se neomezují jenom na prolog. Vološinová pojmenovává i dvě z celkem 6 „knih“, tj. nadkapitol, pomocí aluzí na *Pohádku*. Jde o dvě závěrečné knihy – *Zjevné tajemství* (Das offenbare Geheimnis) a *Obrův stín* (Der Schatten des Riesen). Jde o doklad, že skutečně vnímá celé úseky svého života přes prizma Goethova textu.

Bylo by však mylné se domnívat, že Vološinová recipovala *Pohádku* v kontextu Goethovy tvorby a mohla se tak vztahovat k celé šíři jeho myšlení. Pro ni představovala *Pohádku* jedinečný text, který nijak nespojuje ani s předchozími Goetheho novelami v rámci cyklu *Unterhaltungen der deutschen Ausgewanderten*, ani s jinými díly. Zásadním momentem při jejím seznamování se s textem *Pohádky* byla ta skutečnost, že ji četla již opatřenou komentáři zakladatele antroposofie, Rudolfa Steinera, a plně převzala jeho interpretaci textu (Woloschin, 2009, s. 263).

Pro myšlení Rudolfa Steinera a jeho chápání duchovních procesů byla Goethova *Pohádku* zcela zásadní četbou. Jak sám přiznává ve svých nedokončených pamětech, které byly po jeho smrti v roce 1925 systematizovány

a vydány jeho manželkou Marií von Sievers, stal se pro něj Goethův k interpretacím přímo vybízející text (Rätselmärchen) bohatým materiálem k meditacím (Steiner, 2011a, s. 183). Steiner chápal vznik *Pohádky*, která byla poprvé uveřejněna v Schillerově časopisu *Die Horen* v roce 1795, jako Goethovu odpověď na otázky kladené v Schillerových *Dopisech o estetické výchově člověka* (Steiner, 2011a, s. 179).

Za základní pak považuje otázku, kterou abstrahuje ze Schillerova filosofického pojednání, „jak se může nehmotné duchovno spojit v duši se smyslovou tělesností, a jak může být přirozenost ve fyzickém světě povýšena do oblasti duchovní?“ (Steiner, 2011a, s. 181, překlad PV). Goethe podle Steinera nevolí na rozdíl od Schillera cestu pojmu, ale obrazu. Ten je s to vyjádřit prchavost duševních procesů mnohem pregnantněji. Při prožívání tohoto goethovského tvůrčího počínu se člověk dostává podle Steinera do předpolí esoteriky (Steiner, 2011a, s. 393). Steinerův životopisec Ch. Lindenberg shrnuje základní postoj zakladatele antroposofického hnutí ve vztahu k *Pohádce* tím, že v jejích postavách rozpoznal „vzájemné působení a proměny různých duševních sil.“ Jsou v ní tak uloženy obrazy umožňující vhled do nitra lidské duše a procesů v ní (Lindenberg, 2011, s. 65–66). Taková interpretace plně koresponduje s výše uvedeným chápáním Goethova textu Vološinovou.

Steiner vystupuje už v roce 1899 na veřejnosti s textem věnovaným esoterické interpretaci *Pohádky Goethes geheime Offenbarung*, který přepracovává v roce 1918 a vydává pod názvem *Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung durch sein „Märchen von der grünen Schlange und der Lilie“*. Ani zde Steiner neopomíjí vyzdvihnout profetický charakter Goethova textu, na což upozorňuje v obou případech použitím slova *Offenbarung* (zjevení) ve vztahu k němu. V tomto eseji podává Steiner komplexní přehled své interpretace *Pohádky*, jejíž název zde sám upravuje, tj. rozšiřuje o dvě klíčové postavy – postavu zeleného hada a postavu lilie. V antroposofickém prostředí je užíván pro Goethovu *Pohádku* zpravidla právě tento Steinerem upravený název (srv. D. Spitta, *Goethes Einweihung und sein Märchen von der grünen Schlange und der schönen Lilie*). Interpretační metoda, která spojuje Steinera s Vološinovou, spočívá v přesvědčení, že text *Pohádky* nelze chápat jako jakousi změť symbolů, ale jako obrazy skutečné duševní reality, které Goethe přímo reálně spatřil svým vnitřním zrakem tak, jako by je viděl ve světě smyslovém (Steiner, 2011b, s. 75).

A právě postavu zeleného hada volí Vološinová jako název svých pamětí, tedy jako symbol své životní cesty. Vidí v něm živé praobrazy, které je možné rozpoznat ve vlastní duši, v duších ostatních lidí i ve světových dějích (Woloschin, 2009, s. 373). Tento text je pro ni natolik zásadní, jistě právě díky Steinerově interpretaci, že během svého působení v Goetheanu

ve švýcarském Dornachu jej dokonce zdramatizovala pro loutkové divadlo. A právě tento počín označuje ve své autobiografii za to nejlepší, co kdy v životě udělala. (Woloschin, 2009, s. 266).

Zelený had je pro Steinera zásadní postavou *Pohádky*, zobrazující životní zkušenost duše. Ta se postupně rozrůstá, had pojídá více a více zlata, ale toto má smysl pouze tehdy, když pochopí, že nasbíranou zkušenost je třeba přetvořit na reálně žitelnou životní moudrost, tedy obětovat svůj stávající stav pro možnost (nejen svého) duchovního vzestupu. To je zároveň obsahem čtvrtého tajemství, posledního a jediného nahlas nevyřčeného z těch, o kterých se vede rozhovor v podzemním chrámu za účasti starce s lampou, zeleného hada a postav čtyř králů.

Když se stařec s lampou dozví od hada, který mu podle Steinera šeptá právě slova o tom, že svůj úkol pochopil, zvolá stařec: Čas se naplňuje. Je tedy možné překlenout řeku, která odděluje svět duchovní od světa smyslového tím, že se životní zkušenost obětuje (Aufopferung) a řeku překlene v podobě mostu; dosáhne tak životní moudrosti, která umožní postavě mládence toužícího po lilii (u Steinera vládkyně říše duchovna), aby se s ní oženil.

Propojení smyslového a duchovního světa je tak možné a v budoucnu, až nastane čas, se uskuteční. Tento přerod se však musí uskutečnit nejprve uvnitř lidské duše (Steiner, 2011b, s. 80 a dále). O významu čtvrtého tajemství a svatbě mládence s lilii jako o nové epoše v lidském duchovním vývoji mluví také Vološinová ve své autobiografii, přičemž se nijak nevzdaluje od interpretace Steinerovy (Woloschin, 2009, s. 263 – 265).

Hada chápe rovněž jako obraz do sebe uzavřeného Já, které musí samo dospět k touze po rozšíření vlastních možností, pochopit se jako ne navždy stvořené, ale věčně tvořené. V postavě hada tedy můžeme spatřit, jak sumarizuje Ch. Lindenberg, Steinerův pohled, postupnou cestu k sebezdokonalování lidského Já, v objevování svých vlastních vyšších stavů prostřednictvím odumření Já každodenního (Lindenberg, 2011, s. 66).

Dalším významným momentem, který propojuje Steinerovu interpretaci s autobiografií Vološinové, je výklad postav čtyř králů. D. Spitta je v návaznosti na Steinera představuje jako obrazy duševních procesů a zároveň je spojuje s elementem času. Jsou to pro něj představitelé různých epoch v dějinách evoluce lidské duše. Zlatý král je obrazem myšlení – reprezentuje moudrostí naplněné poznání. Stříbrný král je vykládán jako obraz citění – rovněž je spojen s citem pro krásu a umění. Měděný král je reprezentantem chtění – představuje vůli a moc. Smíšený král představuje chaotické promíchání výše uvedených duševních procesů, které v člověku ještě nenašly řád a jednoznačnost (Spitta, 2008, s. 126).

Právě tento král je v současnosti u moci a zbylí teprve čekají na svůj čas. Je zde tedy naznačen výklad soudobého stavu lidské duše a možnosti jejího vývoje (Spitta, 2008, s. 129). Ve chvíli, kdy had svým sebeobětováním přemostí řeku, sesype se smíšený král za smíchu přítomných na zem. Je tedy nutné, aby se člověk stal pánem nad výše uvedenými elementy své duše a nenechal je chaoticky vládnout jemu. Tehdy se mu jakožto skutečně svobodné osobnosti otevře cesta od smyslovosti k nadmyslovosti (Spitta, 2008, s. 130). Právě tato nadcházející svobodná osobnost je tematizována Steinerem v jeho eseji (Steiner, 2011b, s. 81). Zcela totožně mluví o těchto scénách Vološinová ve svých pamětech.

Je zde však přesto jedno místo, které si vyžaduje zvláštní pozornost. Jde v něm totiž o rozšíření či dokonce o drobnou odchylku od steinerovského pohledu, o originální pohled Vološinové. Ten je v daném případě částečným popřením teze o nutnosti nesymbolického výkladu *Pohádky* a je vyjádřen vztahem Vološinové k ruské Prozatímní vládě, která vznikla po únorové revoluci.

Formou přirovnání vysvětluje své nepochopení logiky jejích představitelů, kteří kolem sebe podle ní rozhazují abstraktní argumenty podobným způsobem, jakým to činí bludičky v *Pohádce*, představitelky abstraktního intelektu, které tímto způsobem mrhají zlatem – moudrostí, aniž by je přetvořily v reálné plody. Zbytečné zlato, které nedopatřením spadne do řeky, jež odděluje svět smyslový od světa duchovního, rozpoutá zkázonosnou povodeň. Tu uskutečnil podle výkladu Vološinové ruský národ v podobě říjnové revoluce, která vyústila v katastrofu (Woloschin, 2009, s. 445).

Negativní vztah k bolševickému režimu, který byl silně ovlivněn Steinerovou interpretací říjnové revoluce jako zrady skutečného poslání ruského národa, jež spočívá, obecně řečeno, v šíření duchovnosti, a nikoli v jejím důsledném materialistickém potírání (Steiner, 1985, s. 114), se zřetelně projevuje i na stránkách pamětí Vološinové. Ve své autobiografii nazývá soudobý stav v Rusku, tedy komunistickou diktaturu, vládou démonů Ruska, které čeká na osvobození, které mu umožní konečně splnit svůj pravý úkol (Woloschin, 2009, s. 370).

Tímto pravým úkolem je v souladu se Steinerovým učením příprava lidského vědomí na příchod nové epochy v duchovní evoluci lidstva – tzv. kulturní epochy slovanského člověka, ve které se, kromě realizace skutečného sbratření lidí pomocí síly lásky a Kristova impulsu symbolizovaného apokalyptickým příslibem Filadelfie, projeví sestoupení tzv. Samoducha (Geistselbst) do lidského vědomí, čímž si člověk konečně plně uvědomí, že sestává z vyšší (duchovní) a nižší (smyslové) přirozenosti. To mu konečně umožní vědomě povýšit smyslovost do sféry ducha (Steiner, 1982, s. 181).

Vološinová tak transponuje Steinerovu interpretaci *Pohádky*, týkající se především jejího pojetí jako reálných obrazů procesů v lidské duši a možnostech její evoluce, do sféry historiosofické, když tyto procesy přenáší na skutečné historické události.

Podle mého názoru není proto náhodné, že si Vološinová zvolila právě obrazy z *Pohádky* pro charakteristiku svého pohledu na historický úděl Ruska. *Zelený had* Vološinové totiž nepředstavuje pouze memoárový text sestávající z chronologického seřazení vzpomínek, ale především pokus pochopit nejen svůj život, ale i procesy dějinných epoch prostřednictvím obrazů z Goethova textu, které vnímá jako zcela reálné fenomény, recipovaných skrze jejich interpretaci Rudolfem Steinerem.

Smysl (nejen) její životní cesty je obsažen v obrazu zeleného hada, který, v souladu se steinerovským, apokalypticky laděným prvkem totální přeměny člověka v budoucnosti, vytvoří most mezi smyslovostí a duchovnem v rozšířeném a povýšeném lidském Já. Syntéza těchto dvou elementů je přítomna i v esoterickém cíli, smyslu existence ruského národa – přípravy kulturní epochy slovanského člověka, ve které se člověku podaří povýšit svou smyslovou podstatu a spojit ji s podstatou duchovní. Víra v příchod nové epochy, plnosti času, je vyjádřena i zdůrazněním obrazu vytoužené svatby mládence s lilí.

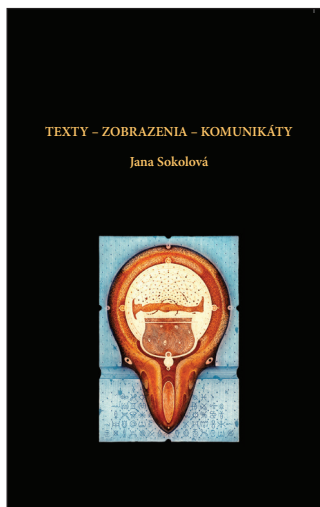
Goethova *Pohádka* tak skutečně slouží Vološinové jako prisma, pomocí kterého vyjadřuje své chápání smyslu života a dějin. Přitom neztrácí ze zřetele osud Ruska, který na antroposofické bázi částečně chápe právě jejím prostřednictvím, což v daném případě představuje – u Vološinové spíše netypický – originální přístup ve vztahu k Steinerově učení.

LITERATURA

- Bible. Podle ekumenického vydání z r. 1985. Praha: Biblická společnost v ČSR 1990. 291 s.
- GOETHE, J. W.: Novellen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. 1982. 351 s.
- KRETSCHMER, H.: Lexikon der Symbole und Attribute in der Kunst. Stuttgart: Philipp Reclam jun. 2008. 488 s. ISBN 978-3-15-018909-2.
- LINDENBERG, CH.: Rudolf Steiner. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag 2011. 160 s. ISBN 978-3-499-50500-3.
- SPITTA, D.: Goethes Einweihung und sein Märchen von der grünen Schlange und der schönen Lilie. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben 2008, 383 s. ISBN 978-3-7725-1615-3.
- STEINER, R.: Mein Lebensgang. Dornach: Rudolf Steiner Verlag 2011a. 518 s. ISBN 978-3-7274-5713-5.
- STEINER, R.: Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung durch sein „Märchen von der grünen Schlange und der Lilie“, In: Goethe, J. W.: Das Märchen von der grünen

- Schlange und der Lilie. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben 2011b, s. 65–91. ISBN 978-3-7725-1913-1.
- STEINER, R.: Geisteswissenschaft als Erkenntnis der Grundimpulse sozialer Gestaltung. Dornach: Rudolf Steiner Verlag 1985. 316 s. ISBN 978-3-7274-1990-4.
- STEINER, R.: Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhange mit der germanisch-nordischen Mythologie. Dornach: Rudolf Steiner Verlag 1982. 204 s. ISBN 978-3-7274-1210-3.
- WOLOSCHIN, M.: Die grüne Schlange. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben 2009. 560 s. ISBN 978-3-7725-2082-2.

SOKOLOVÁ, J.: *Texty – zobrazenia – komunikáty*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta 2017. 330 s. ISBN 978-80-558-1221-2.

Antropocentrizmus ako určujúci faktor vedeckého bádania o texte v monografii J. Sokolovej *Texty – zobrazenia – komunikáty*

Monografia *Texty – zobrazenia – komunikáty* reflektuje výsledky autorky J. Sokolovej – zodpovednej riešiteľky projektu VEGA 1/0243/15 *Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach*. Monografiu treba považovať za vedecky relevantný príspevok k bádaniu o texte v intenciách postštrukturalizmu.

Autorka zvolila nanajvýš aktuálny prístup k samotnému výskumu orientovanému na text a na jeho tvorca, ako aj k samotnej identifikácii faktorov, ktoré do procesu vzniku či účinkov textu vstupujú. Prístup J. Sokolovej k textu a k diskurzívnemu chápaniu

textu je antropocentrický. Človek je východiskom vzniku a iniciovania textotvornej činnosti a človek je i meradlom účinkov, ktoré produkcia, ale aj recepcia textu prinášajú. V dôsledku toho, že sa text (v jeho širokom ponímaní) stal objektom viacerých vied o textotvornej ako diskurzívnej činnosti človeka, nevyhnutnou podmienkou bádania o texte je akceptovanie a uvedomenie si kvalitatívnej podstaty textu v celej jeho variabilite tak, ako ho prezentujú rôzne humanitné vedy. Nanajvýš aktuálne zostávajú výskumy vnútornej organizácie textu z aspektu jeho štruktúro-sémantickej organizácie a metodiky jeho lingvistickej interpretácie.

Textová lingvistika bola pôvodne pokusom rozšírenia potenciálu štrukturalisticko-systémovo chápanej lingvistiky, ktorej hranice boli určené syntaktickými vetnými

a súvetnými štruktúrami. Od chápania komunikačnej funkcie a pôvodne rečovej podstaty vety bol len krok k rozvoju komunikatívne orientovanej lingvistiky, ktorú textová lingvistika predstavuje. Textová lingvistika priniesla spojenie textu s výpoveďou a neskôr s jej komplexnejším poňatím v podobe rečových aktov. Jej začiatky sú v prácach Harrisa (1952), Austina (1962), Searla (1969), Hartmana (1971), Dresslera (1972), Gricea (1975), Agricolu (1977) Isenberga (1983), Leecha (1983).

Nástup skúmania textu na jeho povrchovej, no najmä hĺbkovej úrovni, je spätý s otázkami skúmania umeleckého textu. Otázkam jazyka a jazykovej povahy literárneho diela sa v slovenskom kontexte skúmania jazyka začala venovať pozornosť začiatkom šesťdesiatych rokov, a to najmä pod vplyvom široko rozvinutej diskusie sovietskych filológov. Oživený záujem o jazyk a štýl literárneho diela, a to najmä o jeho jazykovo-tematickú a štylistickú výstavbu, je zjavný z obsahového zamerania štúdií publikovaných v zborníku *Štylistické rozbory umeleckých textov* (1964), v zborníku *Rozbory umeleckej prózy* (1967), ako aj v monografii J. Findru *Rozbor štýlu prózy* (1967). V českom vedeckom kontexte sa problematika štýlu a jazyka literárneho diela manifestovala v prácach K. Hausenblasa, J. Hrabáka, Z. Palkovej a iných. Záujem o skúmanie textu a jeho vnútorných zákonitostí sa naplno rozvinul vo filozofii

jazyka a v užšie chápanom lingvistickom bádání koncom 70. a v 80. rokoch. Prierezovo sa identifikovaniu etáp v bádání o texte venoval J. Gallo (2013), ktorý o vývine definícií textu hovorí: „Pokiaľ ide o samotnú definíciu textu, v súčasnosti ich už existujú celé desiatky. Čím viac a hlbšie sa tento produkt rečovej činnosti skúma, tým sú definície presnejšie. Niekedy sa text chápe ako proces reči, inokedy ako výsledok procesu“.

Uvedené vedecké práce a najmä monografia F. Mika *Text a štýl* (1970) znamenali kvalitatívne nový prístup k analýze literárneho textu, ktorá bola dôsledne založená na chápaní jednoty témy a jazyka: „Tematický a jazykový plán v texte nie sú vo vzťahu prostého priradenia. Obidva plány sa bezprostredne dotýkajú v oblasti vety. Veta je vyjadrením motívu, elementárnej jednotky témy. Text je lineárnou aglomeráciou motívov a ich jazykových pendantov, viet. Veta teda tiež nie je čisto jazykovou jednotkou“ (Miko, 1970, s. 16).

V 80. rokoch jazykové výskumy v oblasti textovej lingvistiky, pragmatiky a textovej sémantiky zaznamenali kvalitatívny posun. Už tvrdenie F. Mika o nevyhnutnosti vzdať sa monopolizovania výskumného objektu len jednou vednou disciplínou skúmajúcou text naznačovalo nástup synergického prístupu k textu. Autor sa už v 80. rokoch dožadoval spolupráce viacerých vedných odborov a predpovedal nevyhnutnosť vedeckej syntézy. Indície k nej

v intenciách jeho zmýšľania bolo treba hľadať a nachádzať v samotnom predmete bádania, t. j. v texte a jeho vnútorných štruktúrach.

Bádateľské úsilie jazykovedcov v polovici 80. rokov na Slovensku sa sústreďovalo najmä na analýzu textu, presnejšie, na odhalenie hĺbkovej štruktúry textu. Z tohto úsilia sa v istej analógii k lingvistickým disciplinám etablovaných na základoch štrukturalizmu vyvinula sémantika textu. Povrchová analýza textu sa venovala najmä otázkam vnútrotextového nadväzovania. Koncom 80. rokov F. Miko už zreteľne artikuluje paralelu medzi rečou a textom, keď hovorí: „Vlastnou, bezprostrednou realitou toho, čo voláme jazykovým stykom ľudí či komunikáciou, je realita reči, jej konkrétnej podoby, textu, pritom textu ako aktuálne fungujúceho fenoménu textu *in vivo*, živo prebiehajúceho v čase“ (Miko 1989, s. 36). To naznačovalo, že v najbližšom výskume textu dôjde k otváraniu axiómy *langue – parole*. Textová lingvistika od autorskej dvojice Dolník – Bajžíková priniesla systematizáciu a vedeckú syntézu poznatkov z oblasti textovej lingvistiky.

Východisko pre komunikačné chápanie textu predstavuje najnovšia orientácia textovej lingvistiky na zákonitosti jazykovej komunikácie. V tomto poňatí nie sú texty chápané ako „dôsledky“ viet, ale ako komunikačné jednotky alebo jednotky súvisiace s ľudským dorozumievaním sa. Tieto jednotky sú tvorené sledom

časovo modifikovaného jazykového dorozumievania sa. Komunikačne orientované a najmä postštrukturalistické poňatie textu nielen zdôrazňuje, ale je cieľavedome zamerané na jazykovo-komunikačnú činnosť človeka.

Do popredia sa dostávajú všetky okolnosti vzniku a účinkovania textu. Pozornosť sa venuje najmä kontextu. Vedci aktuálne skúmajú kontextuálne nástroje v podobe konceptov či scenárov a vyhodnocujú s nimi súvisiace komunikačné stratégie. Zatiaľ čo v autentickom rečovom prejave adresát okrem verbálne sprostredkovanej komunikácie vníma aj účinok mimiky, gesta, pohybu, tónu a pod., v prípade textu sa identifikujú textové nástroje, ktorými sa identické účinky dosahujú. Ich postrehnutím adresát – subjekt, ktorý je zasiahnutý kontextuálnymi nástrojmi – derekonštruuje vzniknutý koncept. Podľa teórie kontextualizácie je možné vysvetliť aj proces rekontextualizácie.

V intenciách vyššie opísaného kontextu treba vnímať aj monografiu J. Sokolovej *Texty – zobrazenia – komunikáty*. Autorka v úvodných častiach knihy jasne deklaruje obrovský kultúrny význam písma, textu a tlačných či printových médií. Popri poznaní, že ľudské myslenie je založené najmä na vytváraní obrazov v mentálnych štruktúrach, má kľúčový význam pre napredovanie o ľudskom myslení a vnímaní akceptovanie textu ako základného piliera vizuálneho vnímania a vizuálneho myslenia.

Text je tým kľúčovým medzičlánkom, vďaka ktorému človek „zhmotňuje“ svoje predstavy a idey tak, aby mohli byť ďalej sprostredkované a spoločnosťou zdieľané. Uvedené atribúty textu stoja za jeho variabilitou a kreatibilitou, akej sme svedkami v 21. storočí. V tomto zmysle je orientované aj bádanie J. Sokolovej, ktorá chápe text ako vizualizovaný viakódový útvar. Autorka sama uvádza, že jej snahou je „uchopiť semikódovosť a polykódovosť v rovine textov, zobrazení a komunikátov,“ čím sa dostáva do priestoru supralingvistiky textu. Tá v kontexte slovenského filologického bádania zatiaľ nemá tradíciu.

V zmysle komplexnosti a synergickosti skúmania textu ako diskurzu autorka reflektuje nielen kľúčové kvalitatívne znaky konkrétnych textových komunikátov, ale vyrovnáva sa aj s otázkou ich účinkovania na adresáta či príjemcu textom sprostredkovanej informácie. Do svojej metodologickej databázy preto zabudovala diskurzívnu reflexiu textových komunikátov. V súvislosti s tým vyčlenila kritériá adekvátnosti a správnosti prameňiace v diskurzívnych konvenciách. V diskurzívnej praxi ide o prejavy diskurzívnych spôsobilostí hovoriacich, ktoré chápe v intenciách normatívnosti a intencionálnosti.

Textom, zobrazeniami a komunikátom samotní užívatelia jazyka pripísali na základe svojej diskurzívnej skúsenosti isté vlastnosti a postupne

sa stali pojmovými konštruktami. V tomto kontexte autorka konštatuje, že sa „stierajú rozdiely medzi permanentnými a dispozičnými vlastnosťami textov, zobrazení a komunikátov“ (Sokolová, 2017, s. 8).

Za jednu z kľúčových východiskových myšlienok autorky monografie považujeme nasledujúce tvrdenie: „Výsledky kognitívnych vied ukazujú, že na úrovni kognitívnych emocionálnych aktivít percipient aplikuje isté mechanizmy pre empirické, ako aj pre fiktívne entity“ (Sokolová, 2017, s. 9). Predmetom jej skúmania, t. j. textom/zobrazením/komunikátom je celá množina objektov, ktoré v diskurze tento status nadobúdajú.

Autorka svoje analýzy systematizuje, a to tým, že sa sústreďuje na explicitné, lexikálne realizované pomenovania vlastností textov/zobrazení/komunikátov, pričom konštituovanie atribútov identifikuje na základe onomaziologických postupov. V popredí je sémantická a pragmatická stránka tvorenia onomaziologického aktu. Systematizácia opisu a bádania o textoch, zobrazeniach, komunikátoch sa kreuje v monografii J. Sokolovej v istej analógii k atribútom sémantickej pamäte, do ktorej sú spontánne, ale systematicky zapájané informácie podliehajúce explicitnej i implicitnej modalite. Autorka sa v tomto zmysle rozhodla pre niekoľko krokov. Prvým krokom bolo stanovenie súboru atribútov a identifikovanie parametrov významu. Následne atribúty rozdelila do klastrov, ktoré sú

d'alej vnútorne štruktúrované. Uhol pohľadu a sémantickú dominantu konkrétneho textového útvaru spracováva na základe faktora/faktorov, ktorý je možné chápať ako klasifikačný marker vyčleňovaný onomaziologicky a v sieti možných vzťahov (s presahom do kognitívnych štruktúr príjemcu) je definovaný ako uzol.

Klaster autorka identifikuje ako konštrukt integrujúci konceptuálne reprezentácie vlastností vyplývajúcich na jednej strane z ontológie textového útvaru a na druhej strane z hodnotiacej aktivity človeka. V klastroch sú implicitne obsiahnuté zovšeobecnené skúsenostné údaje, ktoré subjekty nadobudli a intuitívne akceptovali tak na základe vlastnej skúsenosti, ako aj sprostredkovane a vo svojej podstate sú interiorizovaným súborom kognitívnych a metakognitívnych znalostí. V nich sú integrované vlastnosti – atribúcie, a to na základe tej vlastnosti, ktorá je pre ne typická a ktorú nositelia či užívatelia jazyka vyhodnotili ako dôležitú. Keďže je klaster množinou prvkov organizovanou na základe podobnosti medzi nimi, predstavuje aj množinu alternatívnych volieb.

Fakt, že autorka reflektuje pri opise textových entít človeka a jeho kognitívny systém, je zrejмый z nasledujúcich tvrdení, keď sa zamýšľa nad úlohou podobnosti či analógií, ktoré rešpektovala pri identifikácii funkčného určenia klastra: „[...] podobnosť hrá významnú rolu v organizačných štruktúrach jazyka a princíp

podobnosti je jedným z riadiacich a organizačných princípov kognitívnych procesov. Je prítomný pri myslení, pri organizovaní aj uchovávaní znalostí o svete, pri identifikácii entít [...]“ (Sokolová, 2017, s. 11).

J. Sokolová klaster identifikuje z hľadiska jeho „mohutnosti“, ktorá je daná počtom integrovaných lexikálnych jednotiek, ktoré autorka generovala zo Slovenského národného korpusu, pričom akceptovala tak opakované, ako aj ojedinelé lexémy ako výraz komunikačnej interakcie. Klastre sú vnútorne hierarchizované a majú svoju implicitnú partikulárnosť, ako uvádza autorka, majú charakter monotomických, dichotomických a aj polytomických tried. Čitateľ v mene vlastných bádateľských cieľov, súvisiacich so skúmaním textu, resp. jeho diskurzívnej povahy, tak dostáva k dispozícii početné exemplifikácie, ktorými možno v iných kontextoch či subtémach argumentovať. Rovnako z usporiadania klastra je možné dedukovať pojmové domény a narábať s nimi ako s už overeným, t. j. verifikovaným poznatkom.

Kompozične monografia pozostáva z troch kapitol, ktorých názvy korešpondujú s titulom monografie. Už tematická diferenciacia troch hlavných kapitol napovedá, že text je pomerne presne organizovaný a že autorka vnáša do svojich postupov, opisov, exemplifikácií a argumentácií prísny poriadok v podobe vnútorného systematizovania získaného

materiálu. Texty, zobrazenia a komunikáty sú vždy po primárnej definícii špecifikované ako semikódové a polykódové. V prvej kapitole *Texty* autorka hneď na začiatku zdôrazňuje a preferuje kognitivistickú koncepciu uvažovania o texte. Z aspektu slovenského kontextu vedeckých a odborných statí o texte je pozoruhodné prepájanie s teóriami, ktoré v istom bode súvisia s uvažovaním o texte v istej špecifickej analógii k vlastnostiam a dispozíciám ľudského mozgu. Text je štruktúra – sieť, ale v našom vedomí je tiež asociačno-sémantická sieť a niektorí ruskí vedci, ktorí túto štruktúru nazvali *kognitomom*, v nej nachádzajú dve úrovne. Jedna je tvorená neurónmi a ich uzlami, druhá je tvorená informačnými vzťahmi a uzly medzi nimi sa nazývajú *kogy*. Aktivácia jedného kogu znamená vyvolanie celého radu asociácií, ktoré sprístupňujú subjektu minulé skúsenosti.

Keďže text v istej analógii pripomína dôvtipnú a dokonalú sieť vzťahov v našom mozgu, resp. stavia na opísanej mentálnej štruktúre, má nielen konceptuálnu, ale aj procedurálnu povahu. Tým spĺňa náležitosti proceptu. V tomto konštatovaní je obsiahnutá dualita konceptu a procesu integrovaná v entite textu.

Za významný systematizujúci počin autorky v súvislosti s chápaním textu treba považovať identifikovanie textu ako formovej stránky jazykového znaku, pričom jeho jazykovým pendantom je pomenovanie,

meno, slovo. Na pozadí pojmu postulovaný jazyk navrhuje etablovať pojem postulovaný text. Text ako predmet poznávania na teoretickej úrovni, ktorý v individuálnom etnicko-jazykovom vedomí, t.j. *kognitome*, jestvuje ako mentálny objekt. *Postulovaný text* identifikuje ako abstrakciu umožňujúcu uchopiť abstraktne spojené predstavy – zobrazenia: text 1 – faktálny myslený objekt; text 2 – idealizovaný myslený objekt; text 3 – idealizovaný myslený objekt. Pod *faktuálnym textom* treba rozumieť zmyslovo-názorné empirické objekty v reálnych podmienkach. Entity text 2 a text 3 patria k idealizovaným procesom, keď mentálne narábame s idealizovanými objektmi v idealizovaných podmienkach. Toto duálne rozdelenie znamená rozlíšenie konkrétneho, individuálneho a čiastkového od abstraktného, všeobecného a univerzálneho. Autorka tým konštituovala tri predstavové schémy textu, v ktorých je implicitne obsiahnutý tak moment identity, ako aj moment odlišnosti a medzi nimi je vzťah cyklickej väzby. Tá reflektuje status textu 1, ktorým je variácia, t.j. variant variantu; status textu 2 je variant a status textu 3 je invariant. V tomto usporiadaní sa v interpretácii J. Sokolovej manifestuje ascendentná línia, a to zľava doprava (smeruje sa ku generalizácii) a descendentná línia, a to sprava doľava (smeruje sa k špecifikácii).

Autorka identifikuje text ako kognitívny model, ktorý v mentálnom

priestore môže byť zastúpený ktorýmkoľvek typom textu. Text 1 ďalej charakterizuje opakovane a charakteristiku exemplifikuje. Spomedzi viacerých vyberáme tvrdenie: „Vo filofogickom ponímaní text 1 anticipuje verbálny útvar [...]. V kontexte teórie prototypu text 1 je predstava slovného, prozaického textu, písaného na papierovom nosiči.“ S textom 1 autorka spája ideu *intertextu*, ideu *intextu* a ideu *metatextu*. *Intertext* je text, ktorý má zjavné vzťahy k iným textom, je to text v texte. *Intext* je časť (pôvodného textu), ktorý sa stane súčasťou novoutvoreného textu. Sú to citáty, parafrázy, odkazy a pod. *Metatext* je druhotný text, pričom môže ísť aj o druhotný metatext. Metatexty môžu byť k pôvodnému textu vo vzťahu afirmatívneho, intencionálneho a polemického nadväzovania.

Postulovaný text 2 je predstava o type textového útvaru, spája sa najmä s ideou žánrov. Ide o architext či archetext, v podstate ide o množinu paradigiem, nejde o text v pravom zmysle slova, autor textu absentuje. S textami 2 súvisí idea situovanosti – texty sa pomenúvajú podľa komunikačnej sféry, v ktorej sa uplatňujú, vzťahuje sa na ne žánrová rôznorodosť.

Postulovaný text 3 je invariant, je to model textu, má znaky archetypu, správa sa ako organizujúci princíp. J. Sokolová ho charakterizuje takto: „Text 3 je model jednotliviny, transcendovanie singulárneho. Text 3

rezultuje myšlienkový akt, pri ktorom abstrahujeme od esenciálnych vlastností textu 2. [...] textu 3 prislúchajú iba kontingentné vlastnosti, bez ktorých by stratil svoju identitu. textu“. V zmysle antropocentrického riadiaceho princípu identifikácie postulovaných textov text 3 identifikuje ako textovú kompetenciu, ktorá umožňuje porozumenie a produkovanie textu. Na základe dokladov zo *Slovenského národného korpusu* (SNK) autorka identifikovala množinu faktorov, ktoré vplyvajú na segmentovanie súboru textov: časový faktor, jazykovo-etnosignifikatívny faktor, hodnotiaci faktor, faktor častosti, faktor možnosti, mnohosti, nadobudnutej vlastnosti, neurčitosti atď.

Autorka charakterizuje typy textov, ku ktorým na základe zistení zo SNK pripisuje vlastnosti; postupuje od krátkych textových útvarov: od aforizmu, epigramu, eseje, fejtónu, besednice, glosy až k analytickým a beletristickým textovým útvarom, aby analogicky pokračovala metatextovými útvarmi.

Semikódové texty sú v monografii *Texty – zobrazenia – komunikáty* súčasťou tých textov, v ktorých badať intencionálne využívanie infografiky, t. j. sú v nich aktualizované neabecedné znaky, text je kolorovaný signifikatívne a príznaková je topografemika textu, čo treba chápať v opozícii k monokódovým textom, v ktorých sa využíva nepríznaková grafemika,

nepríznaková kolorika a nepríznaková topografemika.

Monografia *Texty – zobrazenia – komunikáty* obsahovo rozvíja myšlienky mnohých (ak nie všetkých) významných vedeckých prác o texte v medzinárodnom priereze za ostatné desaťročia, čím prináša veľa nových inšpirujúcich myšlienok súvisiacich s textom, jeho produkciou, percepciou, ale aj reálnym techniko-materiálnym stvárnením manifestovaným v celkovej vizualizácii obrazu textu. Aby bola zachovaná logická postupnosť uvažovania, autorka nadväzuje na myšlienky autorov spomenutých vedeckých monografií a článkov, čím sa do jej textu dostávajú mimoriadne cenné citácie a parafrázy. Za jedno z kľúčových pre podkapitolu *Semikódové texty* považujeme tvrdenie Ju. S. Stepanova (2004), ktorý hovorí, že abeceda môže vystupovať ako model sveta. Tento autor poníma písmo ako semiotický systém, ktorý má plán obsahu a plán vyjadrenia, abecedným systémom pripisuje implicitnú syntagmatiku aj paradigmaticku, doslova hovorí, že abeceda je kód a zároveň text, ktorý tento kód vyjadruje. V kontexte úvah o abecednom systéme bolo pre autorku monografie *Texty – zobrazenia – komunikáty* nanajvýš prirodzené pozastaviť sa pri téme prvej slovanskej sústavy grafém, a to pri hlaholike, jej vzniku a pri probléme rekonštrukcie grafém hlaholiky tak, ako to interpretoval

Ľ. Kralčák v monografii *Pôvod hlaholiky a Konštantínov kód* (2014).

Pre ďalší opis textu autorka rozdelila písma na rukopisné a tlačové. K najzaujímavejším charakteristikám v tejto podkapitole patrí signatúra a kolorika v texte, pričom vzťah medzi písmom a farbou je interpretovaný ako synestézia, t.j. spojenie rôznych vnemov rôzneho pôvodu v jednom textovom útvare a následne aj v jednom mentálnom priestore.

Antropocentrický princíp v bádani sa v súvislosti s formou textu prejavuje akceptovaním postulátov Gestalt psychológie. V jej intenciách mentálny obraz objektu vzniká výlučne na základe vizuálnej skúsenosti, vizuálne vnímanie zásadne ovplyvňuje to, ako rozumieme svetu. Geštaltické princípy reflexie tvarov sú akceptáciou podobnosti, blízkosti, symetrie, vnímania pozadia a pod. Na základe uvedených princípov autorka abstrahuje nepríznakové a príznakové formátovanie textu.

Jednou z najzaujímavejších podkapitol monografie *Texty – zobrazenia – komunikáty* je podkapitola *Polykódové texty*, na označenie ktorých sa v odbornej literatúre používa aj pojem kreolizované texty. Za polykódové texty teba pokladať také texty, ktoré sú budované na zjednotení dvoch nerovnorodých znakových systémov v jednom grafickom priestranstve. Tým je potvrdený vedecký postulát, že polykódový text (ale aj text vo všeobecnosti) je aspektuálna, vzťahová, ucelená

a informatívna entita. Dva hlavné atribúty polykódového textu, a to prepojenie heterogénnych komponentov a vzájomná adaptácia týchto komponentov sa zjavne manifestujú v rozprávke.

V kapitole *Zobrazenia* autorka prináša interpretáciu slova obraz. Obraz identifikuje ako artefakt, ktorého kategoriálnym príznakom je vizualita a materialita. Vo vzťahu k textu môže byť text doplnkom obrazu; text môže byť názvom obrazu, text môže byť kolážou v obraze a môže byť námetom, najmä v kaligrafických kreáciách. Od obrazu autorka prechádza k malbe ako maľovanému obrazu. Z povahy vzťahu medzi textom a obrázkom sa dedukujú tieto možnosti: a) dominantná je ilustrácia a ona určuje zmysel polykódového textu; b) ilustrácia je vo funkcii kooperujúceho elementu a informácia sa prenáša rovnomerne tak verbálnou, ako aj obrazovou zložkou textu; c) ilustrácia má sprievodnú funkciu, slúži na doplnenie a spresnenie verbálnej časti textu; d) ilustrácia má dekoračnú funkciu.

Podkapitola *Semikódové zobrazenia* sú charakterizované ako širší okruh informačnej grafiky a vizualizácie dát. Ich zmyslom je sprostredkovať percepciu textu čo najplnohodnotnejšie a v konečnom dôsledku porozumieť textu. Téma podkapitoly sa vyčerpáva opisom *diagramu, grafu, tabuľky, loga, signetu, krížovky, sudoku* a *grafitov*. Podobne sa systematický opis a identifikácia faktorov,

ktoré determinujú atribúty entity, profilujú v podkapitole *Polykódové zobrazenia*. Spomedzi nich sú najzaujímavejšie identifikácie karikatúry, kresleného vtipu a komiksu.

Tretia kapitola monografie – *Komunikáty* – ich identifikuje ako prostriedky komunikácie, ktoré adresát alebo používa len na dosiahnutie cieľa (bankovky, známky), alebo ich interpretuje, a to sémanticky alebo explanačne. Ako východisko pre teoretické uchopenie témy komunikáty si autorka zvolila druhy komunikácie v intenciách teórie výrazovej sústavy F. Mika a rozlišuje: verbálnu komunikáciu, výtvarnú, hudobnú, tanečnú, divadelnú, filmovú a športovú komunikáciu. Diferenciačným kritériom komunikátov je ich rukopisná alebo tlačaná podoba. Semikódové komunikáty sú súčasťou každodenného spoločenského života. Môžu byť náučné, orientačné, akcidenčné, identifikačné, platobné, administratívne, marketingové a inštruktážne. Najzaujímavejšiu skupinu predstavujú náučné komunikáty: slovníky, kancionál, graduál, funebrál.

Dominantu monografie *Texty – zobrazenia – komunikáty* predstavujú tri typy mentálnych objektov, a to mentálne objekty konkrétnych artefaktov, mentálne objekty, ktoré sú spojené s predstavou spomenutých konkrétnych artefaktov a napokon mentálne objekty spájané s predstavou invariantu. Pri ich identifikácii autorka opakovane a systematicky uplatňovala súbor faktorov, no

vždy v inom rozložení a s inou početnosťou. Ako autorka konštatuje, najproduktívnejším sa ukázal faktor temporálnych vlastností, za ktorým nasleduje faktor priestorovej charakteristiky.

Monografia J. Sokolovej prináša nesmierne veľa podnetných postrehov, autorka spracovala početné a hodnotné tvrdenia či vedecké poznatky autorov zaoberajúcich sa textom v najširšom význame slova, na ktoré tvorivo nadväzuje. Podarilo sa jej originálnym spôsobom spojiť opis: materiálnu podstatu a vlastnosti materiálnych artefaktov s momentom sprostredkovania ich významov v mentálnom priestore a s ich reflexiou v percepčno-tvorivom akte ľudského subjektu. Účinkovanie textov, zobrazení a komunikátov v spoločensko-politickom diskurze spracovala na základe výsledkov získaných zo Slovenského národného korpusu a ponúka komplex poznatkov a informácií, ktoré sú rozsahom a hĺbkou porovnateľné s tezaurovým spracovaním. V dôsledku toho sa

stane nepostrádateľným východiskom pri skúmaní textov, zobrazení a komunikátov, ako aj pri rozširovaní teoreticko-metodologickej bázy ich výskumu.

Zuzana Kováčová

Literatúra

- DOLNÍK, J.: Jazyk – človek – kultúra. Bratislava: Kaligram 2010. 224 s. ISBN 978-80-8101-377-5.
- GALLO, J.: Text. Textovosť. Kritériá textovosti. In: Jazyk a kultúra, č. 13, 2013, dostupné na: http://www.ff.unipo.sk/jak/13_2013/gallo.pdf. (citované 19.02.2018).
- KRALČÁK, L.: Pôvod hlaholiky a Konštantínov kód. Martin: Matica slovenská 2014. 207. s. ISBN 978-80-8128-099-3.
- MIKO, F.: Text a štýl. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre 1970. 167 s. Bez ISBN.
- MIKO, F.: Aspekty literárneho textu. Nitra: Ústav jazykovej a literárnej komunikácie 1989. 206 s. Bez ISBN.
- SOKOLOVÁ, J.: Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: UKF v Nitre 2012. 144 s. ISBN 978-80-558-0156-8.

AUTORI ČÍSLA

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

Герман Вікторія Василівна, кандидат філологічних наук, доцент
Кафедра української мови Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка, м. Суми, Україна
viktoria.german68@gmail.com

doc. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD.

Katedra slovenského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína
Filozofa v Nitre (SR)
zkovacova@ukf.sk

Кумеда Олена Павлівна, кандидатад філологічних наук, доцент
Кафедра української мови Сумського державного педагогічного університету
імені А. С.Макаренка, м. Суми, Україна
olenakumeda@gmail.com

Никитенко Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра мировых языков, Учреждение Образования «Витебский
государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск,
(Республика Беларусь)
tatnikita@gmail.com

Mgr. Patrik Varga

doktorand na Katedre slavistiky Filozofickej fakulty Univerzity Palackého
v Olomouci (ČR)
Patrik.Varga@seznam.cz

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 7, 2018, 1

Toto číslo vyšlo v júni 2018

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky: PhDr. Ľuboslav Horvát
Sadzba: Mgr. Peter Horváth

Rozsah: 74 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464